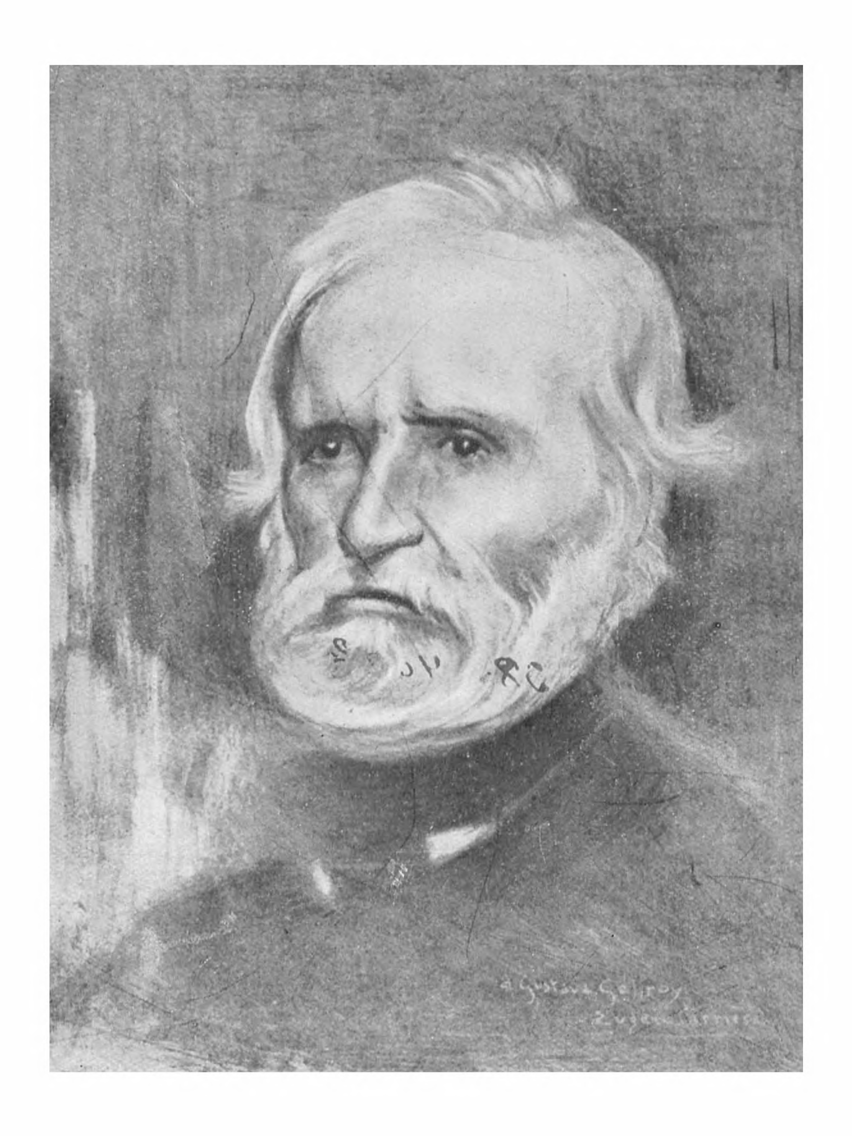
Б. И. ГОРЕВ

ОГЮСТ БЛАНКИ

УЧПЕДГИЗ

МОСКВА 1936

a Gustave Geffroy
Eugène Carrière

БИБЛИОТЕКА ПО ИСТОРИИ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Б. И. ГОРЕВ

ОГЮСТ БЛАНКИ

Утверждено Наркомпросом РСФСР.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1936

335
Г 68 доб. 92

Ответ. ред. В. Н. Вайнштейн.
Техн. редактор Ф. С. Сорина.

Сдано в набор 9/VII 1936 г.
Подпис. к печати 21/IX 1936 г.
Формат бумаги 82×110 1/32.
Бум. № 2 Окуловской бумфаб.
Тир. 20000 экз. Изд. листов 7.
Бум. листов 1 3/4. Авт. листов 5,41
В 1 бум. листе 136 448 тип. зн.
Цена 85 коп.

Учпедгиз № 8350. У.-2.
Уполн. Главлита Б—28840.
Заказ № 2443.

17-я ф-ка нац. книги Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига", Москва, Шлюзовая наб., д. 10.

I. ВПЕЧАТЛЕНИЯ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ.

Луи-Огюст (Людвиг-Август) Бланки родился 1 февраля 1805 г. в маленьком городке Пюже-Тэнье, возле Ниццы, бывшей раньше итальянским городом и лишь во время Великой буржуазной революции во Франции присоединенной к ней.

Отец его Жан-Доминик Бланки, учитель философии и астрономии в коллеже (гимназии) в Ницце, человек образованный, ненавидевший старый режим и феодальную аристократию, на первых порах радостно приветствовал буржуазную революцию во Франции. Когда революционные французские войска заняли в 1792 г. Ниццу, Доминик Бланки был послан в Париж (12 января 1793 г.) просить о присоединении этого города к Франции и тотчас вслед за тем, весной 1793 г., был избран депутатом в Конвент, чрезвычайный революционный парламент Франции.

Но там ему пришлось пробыть недолго. Он примкнул к умеренной буржуазной партии жирондистов, которая стала контрреволюционной, и, когда после народного восстания 31 мая и 2 июня, направленного против жирондистов, победила и взяла власть мелкобуржуазная революционная партия «Горы» (или, иначе, якобинцев, по имени клуба якобинцев, который был центром этой партии), Бланки вместе со всеми жирондистами подвергся преследованию. Он был арестован, просидел в парижских тюрьмах десять месяцев и был освобожден лишь после падения вождя якобинцев Робеспьера, когда началась буржуазная реакция. Возвращенный в Конвент, Бланки потом, при прави-

тельстве директории, вошел в «совет пятисот», признал государственный переворот Наполеона Бонапарта и получил место супрефекта (окружного начальника) в том самом городке Пюже-Тэнье, где родился Огюст-Бланки.

Отец Бланки был добрый, но слабохарактерный и политически беспринципный человек. При всех дальнейших сменах властей, при возвращении старой королевской династии Бурбонов, при новом временном торжестве Наполеона I в 1815 г. и окончательной победе старой дворянско-монархической власти, — Бланки отрекался от своих прежних «заблуждений» и униженно выпрашивал себе службы.

Мать Бланки была капризной и расточительной женщиной. Впрочем, как выяснилось впоследствии, когда она заботилась о своем сыне, «вечном узнике», организовывала для него попытки побега и боролась ради него с властями, у нее был мужественный и настойчивый характер, и эти черты она передала Огюсту; наоборот, характер отца скорее перешел по наследству к старшему сыну Адольфу, человеку мягкому и покладистому, служившему чиновником при той самой буржуазной монархии, которая замуровала его младшего брата в каменный мешок, и оставившему после себя лишь труды по буржуазной политической экономии. Поэтому, будучи в ранней молодости нежными друзьями, братья впоследствии резко разошлись, питали друг к другу враждебные чувства.

Первые впечатления детства маленького Огюста имели также немалое значение в выработке его характера. Величавая природа приморских Альп, ранние прогулки по окрестным горам, сопряженные с риском и опасностями, все это воспитывало в мальчике жажду риска и сильных ощущений, любовь к природе и к свободе; и эта любовь лишь закреплялась рассказами отца и его увлечением астрономией и философией.

Вместе с тем с самого раннего детства на мальчика обрушивается ряд огромной важности исторических событий, которые выбивают всю семью из насиженного гнезда, знакомят мальчика с нуждой, впер-

вые делают его скитальцем и заставляют глубоко задумываться над явлениями общественной жизни.

В 1814 г. Наполеон I вынужден отречься от престола и высылается на остров Эльбу. Коалиция союзных держав (Англия, Россия, Пруссия), которые вели с Францией войну, сажает на престол Людовика XVIII, брата казненного во время революции Людовика XVI.

Во Францию возвращается жадная свора мстительных дворян-помещиков, убежавших в свое время от революции. Начинается белый террор, особенно свирепый на юге Франции. В то же время возрождается к жизни реакционное Пьемонтское королевство на севере Италии, разрушенное Наполеоном, которое снова отнимает у задушенной Франции Ниццу со всей прилегающей областью. В городок, где жили Бланки, врывается грубая солдатчина, и маленький Огюст видит дикие сцены произвола, насилия и грабежа. Вся семья с семью детьми должна спасаться бегством и остается без пристанища. Вдруг, как снег на голову, на них сваливается неожиданное наследство: умирает старушка, тетка матери Бланки, и оставляет им небольшое имение в департаменте Эр и Луары. Бланки поселяются там.

Между тем сосланный Наполеон пытается использовать недовольство масс и армии хозяйничаньем вернувшихся дворянчиков. Он задумывает смелый план — вернуться во Францию и снова захватить власть — и осуществляет его с молниеносной быстротой. Королевская семья бежит, армия переходит на сторону Наполеона, и он — в Париже. Бывший наполеоновский чиновник Доминик Бланки снова получает должность супрефекта и уезжает на новое место службы в Морманду на Гаронне, оставляя семью в имении.

Но это благополучие рассыпается, как карточный домик. Наполеон «царствует» всего «сто дней». Войска союзников наносят ему страшное поражение в битве у Ватерлоо в 1815 г. Он попадает в руки англичан и на этот раз ссылается на остров «святой Елены», этот «пустынный и мрачный гранит».

Снова возвращаются Людовик XVIII и вся реакционная клика, жаждущая мести. Союзные войска занимают Париж. Доминик Бланки бежит из своего департамента

и пешком возвращается в свое имение, где к опустошениям, произведенным мотовством и расточительностью жены, присоединяется новая беда — постой прусских гусаров. Наступает полное разорение, начинаются годы нужды. Все униженные ходатайства перед новым правительством о службе со стороны убитого судьбой старика Бланки остаются без ответа. Приходится влачить жалкую жизнь мелких буржуа, самим заниматься крестьянством. Дети, кроме старшего Адольфа, успевшего окончить коллеж в Ницце, остаются без образования и становятся ремесленниками, мелкими торговцами или женами маленьких чиновников. Только Огюсту предстоит совсем иная участь.

Все эти потрясающие события, с головокружительной быстротой сменявшие друг друга и так тесно переплетенные с судьбой всей семьи, произвели неизгладимое впечатление на способного и впечатлительного мальчика. Они заставили усиленно работать его мысль и содействовали той сосредоточенности и замкнутости характера, которая была отличительной чертой Бланки с ранней юности и все росла в течение его жизни под влиянием непрерывных жестоких ударов. Эти же события, та легкость, с какой совершались во время его детства государственные перевороты и одна власть сменяла другую, может быть, не меньше, чем рассказы отца о революции, сыграли роль в выработке основного политического убеждения Бланки, т. е. веры в легкость и осуществимость в любой момент революционного переворота.

Между тем старшему брату Адольфу, который очень любил Огюста, удалось устроиться в Париже репетитором в пансионе (т. е. в частной школе с общежитием) для мальчиков, и после долгих лишений и мытарств он стал зарабатывать столько, что решил взять к себе Огюста и отдать его учиться. Это было в 1818 г. Маленькому Бланки было 13 лет. В гимназии, куда он поступил, он обнаружил блестящие способности во всех науках и каждый год получал награды. Его брат Адольф в своих мемуарах так описывает его успехи в учебе: «Он сразу стал лучшим учеником в заведении Массена... Его имя произносится с восторгом на кон-

курсе парижских лицеев и фигурирует одним из первых на всех похвальных листах. Он получает награды за успехи по латинскому и греческому языкам, по истории и географии». В то же время парижские впечатления и окружавшая его среда школьников с первых же лет учения стали будить в душе Бланки революционные чувства.

Это было время расцвета реставрации Бурбонов, время контрреволюции, самой злейшей реакции и белого террора. Вернувшиеся из эмиграции и окончательно укрепившиеся с помощью иностранных штыков России, Пруссии и Австрии дворяне-аристократы распоясались во-всю. Они, как говорили про них впоследствии, «ничему не научились и ничего не забыли» и старались наверстать все, что отняла у них революция.

Иностранные войска вели себя, как в завоеванной стране. А крупная буржуазия, которой страшно надоели и революция и наполеоновские войны, на первых порах встречала этих завоевателей как избавителей, льстила им и подличала перед ними, вместе с тем сбывая по высоким ценам «иностранным варварам» все залежавшиеся товары и наживая бешеные деньги.

И только в рабочем классе, в предместьях, где ютилась парижская беднота, а также в чуткой учащейся молодежи, вышедшей из рядов мелкой буржуазии, сохранилось чувство собственного достоинства. Только рабочие и мелкобуржуазная интеллигенция со скрежетом зубовным смотрели на то, как топчут Францию, как издеваются над ней надменные и наглые дворянчики и вся орда иностранных поработителей, Францию, которая в годы революции внушала им страх и трепет. Глядя на это, рабочие и учащиеся вспоминали о революции, даже о Наполеоне, и тайно мечтали о мести. А народные массы голодали, и в 1817 г. произошел ряд «хлебных бунтов»...

Такова была та политическая атмосфера, в которой жил Париж, когда туда попал наш будущий революционер и социалист. Революционный патриотизм, мечта о республике и ненависть не только к дворянской аристократии, но и к крупной буржуазии, ко всем этим паразитам на народном теле — откупщикам, банкирам и

спекулянтам, — вот были чувства, которые с ранней молодости питали политические настроения Бланки.

Но вскоре беззастенчивое поведение дворянства и придворной клики начало раздражать и крупную буржуазию и особенно буржуазную интеллигенцию в лице журналистов, адвокатов, оппозиционных депутатов. Печать, то заглушаемая цензурой, то пользующаяся сравнительной свободой, резко протестовала против полицейского произвола, против белого террора и аппетитов дворянства, требовавшего возврата отнятых во время революции имуществ. Речи представителей парламентской оппозиции читались нарасхват.

Часть интеллигенции и сознательных рабочих от слов начала переходить к делу. Стали образовываться тайные общества заговорщиков, ставившие себе целью совершить революционный переворот. Между ними особенной славой пользовалось общество «карбонариев», т. е. «угольщиков», возникшее первоначально в Италии и в 1821 г. основанное в Париже. Его организация была строго конспиративная и централистическая. Верховной венте[1] подчинялись все центральные и местные венты. Каждый карбонарий обязан был иметь ружье и пятьдесят патронов. По первому приказу неведомого вождя он обязан был выступить. Ни одна группа членов не знала про другие и имела сношения лишь со своим начальником. Это общество было связано с отдельными группами либеральной буржуазии, в частности, с Лафайетом.

В разных местах Франции вспыхивали попытки восстаний, раскрывались заговоры, особенно в армии, где еще сильны были воспоминания о походах времен революции и Наполеона. Разумеется, они подавлялись беспощадно. Жестоко мстило правительство также всем тем офицерам и генералам, которые стали на сторону Наполеона во время «ста дней». Этот террор увеличивал недовольство в стране, будил революционное настроение.

Все эти события глубоко волновали школьников,

---

[1] Так назывались основные организационные ячейки тайного общества карбонариев.

среди которых рос Бланки, и живо обсуждались ими. Смертные казни совершались публично на Гревской площади, и одну из них видел Бланки. Это была казнь четырех сержантов-революционеров из крепости Ля Рошель, которые мужественно вели себя на эшафоте и умерли с революционными возгласами. Можно себе представить, какой след эта казнь оставила в душе семнадцатилетнего юноши, какую страстную злобу и жажду мести он унес с собою с места казни.

В то же время его воображение питалось сообщениями о революционном движении в Италии, об испанской революции, усмиренной и подавленной международными жандармами «Священного союза» реакционных монархов, которые послали французские войска в Испанию, наконец, о восстании Греции против турецкого владычества. Все это происходило почти одновременно, в 20-х годах, когда Бланки кончал гимназию. Понятно, он и в истории и в литературе искал того, что соответствовало его настроениям, увлекался республиканскими героями древнего Рима и их отражением в классической французской литературе. Он поглощал множество книг, знакомился с философией и напряженно думал. Идея общего блага, борьба за идеал, за справедливость против тирании и привилегий, — вот что становилось его мечтой в 18—19 лет, вот что заставляло его гореть и давать юношеские клятвы. А тайные общества революционеров-заговорщиков, о которых ходили среди молодежи самые фантастические слухи, особенно привлекали к себе молодого Бланки, особенно действовали на его воображение своей таинственностью, своим риском и смелостью. По окончании школы в 1824 г. он уже вступил членом в одну из вент, т. е. секций, групп общества карбонариев. Тайное заговорщицкое общество, втихомолку подготовляющее революционный переворот, надолго остается для Бланки идеалом политической деятельности.

Впрочем, на этот раз принадлежность Бланки к тайному обществу не приводит еще ни к каким серьезным последствиям. Разгромленное провалом и раскрытием нескольких заговоров, разложенное внутри шпионами и провокаторами, общество карбонариев фактически

распадается. Но оба брата Бланки уже находятся на замечании у тайной полиции как люди «неблагонадежного образа мыслей».

В поисках заработка Огюст дает уроки, пробует сотрудничать в малоизвестных органах печати, наконец, по совету отца — в первый и последний раз — обращается за помощью к одному из сильных мира сего, барону Луи, министру финансов при Наполеоне и Людовике XVIII, и, конечно, неудачно. Тогда он, по примеру многих студентов, едет в помещичье имение учить сына отставного наполеоновского генерала. Здесь, в деревне, в качестве гувернера, Бланки проводит два года, наслаждаясь природой, которую он страстно любил с детства, много занимается, чуждается веселого общества гостей. В этот период жизни у него окончательно складываются те спартанские привычки, та суровая воздержанность, то закаливание своего тела строгой гигиеной, которые не покидали его всю жизнь, помогали ему переносить все ужасы тюрем и позволили, несмотря на хрупкое здоровье, дожить до глубокой старости. Он спит при открытом окне во все времена года и при всякой погоде, ест почти исключительно растительную пищу, притом без всяких пряностей, пьет только воду. Воздержанный, задумчивый, сосредоточенный, прекрасно владеющий собой, несмотря на природную живость своего темперамента, — таким является Бланки при достижении совершеннолетия, при своем вступлении в жизнь.

Когда он вернулся в Париж, в конце 1826 г., он нашел там большие перемены в политическом мире. Еще за 2 года перед тем умер Людовик XVIII, слабый, нерешительный, вечно колебавшийся между уступками либеральному «духу времени», т. е. требованиям буржуазии, и своей придворной кликой. На престол вступил его брат Карл X, бывший граф Артуа, тупой и злобный реакционер, во время революции — вождь всей дворянской и поповской эмиграции. Реакционная клика помещиков и попов-иезуитов подымает голову. В их интересах был проведен закон о вознаграждении дворян за конфискованные революцией земли миллиардом франков народных денег. Началась бешеная травля

печати, в угоду попам стали усиленно преследовать за «оскорбление религии» и «нарушение нравственности». Все это вызывало страшное раздражение всей интеллигенции, особенно мелкобуржуазного студенчества.

Бланки, поступивший репетитором в тот самый пансион, где когда-то работал его брат и где он одно время жил мальчиком, в то же время был студентом и готовился к экзаменам одновременно по двум факультетам: юридическому и медицинскому. Он принял самое горячее участие во всех студенческих манифестациях и протестах против ненавистного правительства и во время этих демонстраций получил свое первое боевое, революционное крещение. В 1827 г. он два раза во время столкновений студентов с полицией был легко ранен сабельными ударами. А в конце того же года, после победы либеральной оппозиции на выборах в палату депутатов, когда студенчество праздновало эту победу новыми шумными демонстрациями и правительство выслало против них войска, — Бланки был серьезно ранен пулей в шею и быстро унесен друзьями домой.

Благодаря заботам и уходу своей матери, которая показала, что умеет быть не только капризной и деспотичной женщиной, но и стойким другом, Бланки быстро оправился от раны и стал вести прежний образ жизни.

В это время, давая уроки в одном женском пансионе, он познакомился с молоденькой девушкой, почти девочкой, Сюзанной-Амалией Сэрр, которая стала впоследствии его женой и преданным другом. Но в самом начале этого знакомства, в 1828 г., спасаясь от преследований полици, Бланки отправился путешествовать. И тут он оказался верен своему спартанскому образу жизни и своим скромным привычкам. В течение двух лет он путешествовал пешком, с сумкой за плечами, причем сперва направился на свою родину, в Ниццу, а затем на юго-запад Франции и в Испанию.

Такие путешествия, которые совершались в старину, со множеством интересных встреч и приключений, были нередко полезны и поучительны. И молодой Бланки, несомненно, вынес из своего путешествия большое знание людей и житейских условий и вполне насладился

своей еще в детстве приобретенной любовью к природе и независимости.

В Ницце с ним случилось приключение, которое как бы предопределило всю его дальнейшую судьбу: местная пьемонтская полиция, увидев фамилию Бланки, вспомнила его отца, друга Французской революции, члена страшного Конвента, и... на всякий случай арестовала сына. Его скоро выпустили, но судьба словно приготовила ему этот неожиданный сюрприз, это знакомство с мрачной одиночкой итальянской тюрьмы, чтобы его образование было окончательно завершено, чтобы, вступая в жизнь борца и революционера, накануне первой революции, в которой он принял непосредственное участие, он на опыте познакомился с тем, что его ожидает...

Вернувшись в Париж в конце лета 1829 г., Бланки на этот раз окончательно отдался журналистике, газетному делу. Он становится хроникером и репортером оппозиционной газеты «Глобус», которая объединяла весь цвет тогдашнего либерализма, в том числе будущих реакционных министров Гизо и Тьера.

Бланки с любопытством изучал эту новую для него среду, с которой ему в будущем пришлось вступить в непримиримую борьбу и которая беспощадно преследовала его всю жизнь. Он прислушивался к их разговорам, но думал свою думу и уже тогда резко расходился с ними и в целях и в способах борьбы с правительством. Они мирным путем добивались улучшения и соблюдения конституции. Бланки же был страстным республиканцем и чувствовал, что дело идет к революции. И на этот раз чутье его не обмануло.

II. ИЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ.

Буржуазная оппозиция против поповски-помещичьего правительства Карла X все нарастала и увеличивалась. А народные массы ждали лишь случая по-своему проявить свою ненависть к Бурбонам и их режиму. Весной 1830 г. правительство распустило слишком либеральную палату депутатов и назначило новые выборы. Несмотря на все средства правительственного давления и террора, в палату прошло еще больше оппозиционных депутатов, чем раньше. Тогда Карл X и его министры решили больше не стесняться и фактически отменить и ту жалкую конституцию, которую имела Франция времен Реставрации. Палата была объявлена распущенной раньше, чем она собралась, изменен был избирательный закон, и без того дававший избирательные права лишь ничтожному меньшинству граждан, и окончательно уничтожена свобода печати. Лишь после такой основательной «подготовки» правительство думало допустить новые выборы.

Соответствующие королевские приказы, или «ордонансы», появились в «Правительственном вестнике» 26 июля. А 30 июля уже не существовало ни этого правительства, ни самого короля Карла X. Он бежал, его министры были арестованы. Это была трехдневная Июльская буржуазная революция.

Но революция эта совершена была отнюдь не буржуазией. Наоборот, буржуазия, в лице депутатов распущенной палаты и редакторов богатых газет, смертельно боялась революции, народного восстания, и вся-

Постройка баррикады.

чески старалась удержать движение в рамках «законности» и «легального сопротивления», а когда движение стало разрастаться, буржуазные вожди беспомощно метались из стороны в сторону и проявили самую жалкую трусость.

Одиннадцать редакций газет составили протест против королевских приказов. Но лишь две из них осмелились этот протест напечатать вопреки новым законам о печати и оказали сопротивление полиции, явившейся закрыть газеты и уничтожить станки. Другие газеты сами закрылись и уволили наборщиков, которые и явились первыми агитаторами революции в рабочей среде. Затем поднялись революционно настроенные студенты политехнической школы. Они добыли оружие, увлекли за собой студентов юристов и медиков и даже школьников старших классов, а также значительные группы мелкой буржуазии и с восторгом были встречены толпами рабочих и ремесленников, сбегавшихся из предместий к центру Парижа. В ночь с 27 на 28 июля, пока вожди «легальной» и «конституционной» буржуазной оппозиции тщетно придумывали способы, как бы без революции заставить короля соблюдать законный порядок, эта революция была уже в полном ходу. Париж с молниеносной быстротой покрывался баррикадами, и у народа нашлись революционные вожди: это были старые наполеоновские офицеры, ненавидевшие Бурбонов, и особенно члены тайных обществ, которые последние годы бездействовали, но теперь появились все на баррикадах и оказались очень кстати со своими организационными способностями и революционной дисциплиной.

Среди них не последнее место занимал молодой, но энергичный и решительный Огюст Бланки. Еще 26 июля, на второй день после издания Карлом X ордонансов, возмущенный Бланки приглашает товарищей по редакции образовать революционный комитет. «Оружие решит дело, — говорит он, — что касается меня, я беру ружье и надеваю трехцветную кокарду». Но его товарищи остались глухи к его призыву. Бланки оказался на баррикаде вместе с восставшим народом.

Три дня продолжался кровавый баррикадный бой рабочих и учащейся молодежи с королевскими войсками, бой, в котором рабочие потеряли около 5000 убитыми и ранеными. И все эти дни Бланки, маленький, худой, но подвижной, выносливый и смелый, провел на баррикадах. Лишь тогда, когда все было кончено, когда часть солдат перешла на сторону народа, а остальные признали себя побежденными и отступили от Парижа, Бланки явился к своим знакомым и своей невесте с ружьем в руке, измученный, весь прокопченный пороховым дымом, но радостно возбужденный и гордый одержанной победой.

Зато теперь, когда рабочие и мелкая буржуазия в наивной радости думали, что всем их несчастиям пришел конец, буржуазия, прятавшаяся во время боя, громко заявила о себе, стала вести себя как власть имущая, как глава революции, как естественная наследница павшего режима.

Начались интриги, тайные переговоры с герцогом Орлеанским, представителем младшей династии французских королей, бывшим в оппозиции Бурбонам. На сцену выступили хитрые и ловкие дельцы буржуазии, ее адвокаты, банкиры, журналисты. В результате народ был одурачен, и завоеванная его кровью революция свелась к перемене династии, к замене дворянского короля — королем буржуазным, к некоторому расширению избирательных прав и политической свободы, особенно свободы печати. У власти стали верхи буржуазии, финансовая аристократия, банкиры. Банкиры Казимир Перье и Лафит сделались министрами. Рабочие не только не добились лучших условий жизни благодаря революции, но, наоборот, стали терпеть еще бо́льшую нужду, так как значительная часть буржуазии, боясь революционного времени, сокращала производство или вовсе закрывала свои промышленные заведения. Масса мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции чувствовала себя обойденною. Поэтому наиболее передовая часть ее готова была вступить в союз с рабочими.

Таким образом рабочие, ремесленники и революционное студенчество были глубоко разочарованы и воз-

мущены таким результатом революции и пытались новым ударом и выступлением против только что возникшего правительства добиться республики и социальной «справедливости», т. е. улучшения положения трудящихся.

И вот, первое десятилетие так называемой «Июльской монархии», т. е. монархии, возникшей в июле 1830 г. с «королем-буржуа» Луи-Филиппом во главе,— полно уличных волнений, заговоров, восстаний, демонстраций.

Бланки был одним из первых, которые увидели предательство и обман захватившей власть буржуазии. Поэтому он ни на один момент не прекратил борьбы и тотчас после одержанной победы над правительством Бурбонов всю страстность своей революционной натуры и своих республиканских убеждений обратил против нового правительства Орлеанов. Прежние тайные общества, принимавшие такое деятельное участие в Июльской революции, первое время существовали легально, объединившись в одно «Общество друзей народа», которое имело свой открытый клуб и издавало журнал с таким же названием. Это Общество возглавлялось мелкобуржуазными республиканцами, участниками июльских боев,— Годфруа Кавеньяком, Распайлем и др. Бланки, который за июльские дни получил даже знак отличия от новой власти, принимал в этом Обществе самое деятельное участие, и на первых порах правительство вынуждено было смотреть сквозь пальцы на его резкую критику.

Вот как описывал в своих корреспонденциях в германские газеты знаменитый немецкий поэт Генрих Гейне, живший в то время в Париже, одно из выступлений Бланки в клубе «Общества друзей народа», куда допускалась и посторонняя публика:

«Я случайно попал на собрание «Друзей народа». Там находилось более 1500 человек, теснящихся в узкой зале, похожей на театральную. Гражданин Бланки, сын бывшего члена Конвента, произнес длинную речь, полную сарказма, против буржуазии, против лавочников, которые выбрали себе в короли Луи-Филиппа, это воплощение торгашеского духа, и выбрали его, ко-

нечно, в своих личных интересах, а не в интересах народа, который не мог быть соучастником такой бесстыдной узурпации[1]. Эта речь была полна огня, резкости и злобы... На собрании присутствовали, главным образом, молодежь и старики. Но и старые и молодые в зале «Друзей народа» сохраняли внушительную серьезность, какую встречаешь у людей, чувствующих свою силу. И только глаза их блистали и слышались крики: «Правда! Правда!» когда оратор говорил о каком-нибудь факте».

Но уже очень скоро, еще в сентябре 1830 г., Общество запрещается правительством и становится тайным. Для Бланки начинается бурная эпоха его жизни, начинаются и первые преследования.

В январе 1831 г. за написанную им прокламацию от имени всех студенческих организаций с резким протестом против нового режима, за организацию бурных сходок и участие в манифестациях, за кидание яйцами в одного из министров и за разбитое стекло в его карете, за печатание противоправительственных воззваний Бланки судится университетским судом. А когда студенты протестуют, его арестовывают в числе многих других. Бланки пишет из тюрьмы письма в газеты, бичует тюремный режим. Под давлением общественного мнения его выпускают, продержав под арестом три недели.

Между тем, беспорядки в Париже усиливаются. Народная толпа устраивает разгром дворца архиепископа, одного из ненавистных столпов свергнутого правительства. Бланки снова арестовывают (в июле того же года) вместе со старым вождем республиканской партии Распайлем и, на основании найденного при обыске письма, где он говорит о необходимости готовиться к восстанию, хотят создать дело о заговоре против правительства. Но судебная палата дело прекратила, не найдя состава преступления.

В это же время начинается самостоятельное классовое движение пролетариата Франции.

Период Июльской монархии — это период превра-

---

[1] Т. е. захвата власти при помощи обмана.

щения Франции в страну капиталистическую, в страну промышленного капитализма. Правда, промышленный переворот начался во Франции еще в годы реставрации, а в отдельных отраслях промышленности — даже при первой империи. Уже в эти годы наблюдается большой рост текстильной и металлургической промышленности. Но только после Июльской революции и окончательного прихода к власти буржуазии этот процесс капиталистической индустриализации страны начинает итти быстрыми темпами. Число паровых машин с 1839 до 1847 г. почти удвоилось, и машинное производство побеждало в целом ряде отраслей промышленности, главным образом в текстильной. Этот рост капитализма принес с собою формирование и рост промышленного пролетариата, равно как и его эксплоатации, в том числе эксплоатации женщин и детей. Рабочий день детей продолжался 12—14 часов в сутки, а взрослые ткачи работали до 17 часов, получая за этот каторжный труд нищенскую плату. Вот почему только в период Июльской монархии французский пролетариат впервые становится самостоятельной классовой силой и выступает как класс уже не только против ненавистного правительства, но и против буржуазии. Это появление на исторической арене рабочего класса со своими самостоятельными интересами и целями производит раскол в рядах демократической мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции. Одна часть радикальной мелкой буржуазии пугается начавшейся борьбы рабочего класса, а меньшинство ее, наиболее революционное, наоборот, ищет сближения с пролетариатом, видит в нем могучего союзника и частично заражается его классовыми идеалами.

Первым грозным восстанием французского пролетариата, выдвинувшим во весь рост проблему пролетариата как самостоятельного революционного класса, было знаменитое лионское восстание ткачей и прядильщиков шелка. Восстание это было чисто классовое. Доведенные до последних пределов отчаяния все растущей нуждой и упорством фабрикантов, не желавших признать выработанные согласительной комиссией новые расценки, и видя, что правительство, только что

получившее власть из рук парижских рабочих, целиком на стороне фабрикантов, — лионские рабочие взялись за оружие. Восстание началось 21 ноября 1831 г. в предместье Круа-Русс.

Рабочие шли под черным знаменем, на котором было написано: «Жить, работая, или умереть, сражаясь». Они разбили буржуазную Национальную гвардию из хозяйских сынков, заставили отступить правительственные войска и овладели городом. Но рабочие, захватив власть, не знали еще, как ее использовать. У них не было партии, которая руководила бы восстанием. Поэтому мелким хозяйчикам, «мастерам-рабочим» удалось внести в их среду шатания и колебания. И пока одетые в лохмотья рабочие в зимнюю стужу с героическим самоотвержением охраняли буржуазную собственность, поддерживая порядок в Лионе, — буржуазное правительство прислало туда двадцатитысячную армию, под командой свирепого генерала Сульта. Восстание было подавлено. Началась кровавая расправа.

Крупная буржуазия единогласно вопила о необходимости самых жестоких репрессий против лионских рабочих. Но на чуткую революционную интеллигенцию, особенно на Бланки, это восстание произвело колоссальное впечатление. Мы уже видели, с какой ненавистью он относился к буржуазии, исказившей характер Июльской революции. Но это была ненависть политическая, ненависть республиканца и демократа к финансовой аристократии, посадившей Франции короля и не давшей никаких прав народу. После лионского восстания Бланки начинает вкладывать в свою ненависть к буржуазии отчасти уже классовое, социальное содержание, становится на сторону эксплоатируемых против эксплоататоров.

В январе 1832 г. его снова судят по так называемому «процессу 15» за «организацию недозволенного общества», т. е. за участие в закрытом правительством «Обществе друзей народа». На этом суде Бланки произносит большую политическую речь, в которой имеются следующие замечательные слова: «Это война между богатыми и бедными, ее вызвали богачи, так как они

зачинщики; привилегированные питаются и жиреют п́отом бедняков. Палата депутатов — это безжалостная машина, которая давит 25 миллионов крестьян и 5 миллионов рабочих, чтобы выжать из них все жизненные соки и наполнить ими жилы привилегированных. Налоги — это грабеж, который тунеядцы совершают по отношению к трудящимся классам».

Но Бланки и в этой речи не обнаружил ясного понимания законов классовой борьбы и исторической роли пролетариата. К пролетариату Бланки относит всех трудящихся. Эту точку зрения Бланки высказал в своих ответах на вопросы председателя суда. Когда председатель суда спрашивает Бланки чем он занимается, Бланки отвечает, что он пролетарий. На замечание судьи, что это не профессия, Бланки возмущенно отвечает: «Как не профессия? Да ведь ею занимаются тридцать миллионов французов, живущих своим трудом и лишенных политических прав».

Несмотря на резкую, обличительную речь Бланки, присяжные, тоже недовольные режимом банкиров, оправдали всех подсудимых. Но в то же время Бланки в административном порядке был приговорен к году тюрьмы и 200 франкам штрафа.

В тюремную камеру Бланки доносился шум продолжавшегося революционного брожения в Париже, которое летом 1832 г. во время республиканской демонстрации на похоронах популярного оппозиционного генерала Ламарка дошло даже до неудачной и быстро подавленной попытки вооруженного восстания. Под влиянием подобных неудач Бланки не отказывается от заговорщицкой деятельности, а лишь все более укрепляется в мысли о необходимости тщательной и осторожной подготовки таких заговоров. Из пылкого революционера, готового по первому призыву броситься в открытую схватку с правительством, он хочет стать вождем и хладнокровным организатором будущих восстаний.

А по выходе из тюрьмы, в начале 1833 г., одно обстоятельство окончательно определяет социально-политические взгляды Бланки, превращает его из демократа-республиканца в революционного, хотя и уто-

пического социалиста. Этим обстоятельством является знакомство Бланки со старым революционером и утопическим коммунистом Буонаротти.

Филипп Буонаротти, потомок великого итальянского художника Микель-Анджело Буонаротти, изгнанный во время Французской революции из Италии и так же, как отец Бланки, получивший от Конвента права французского гражданства, был ближайшим товарищем знаменитого революционера и утопического коммуниста Бабефа в организованном им «заговоре равных». Заговор этот, раскрытый в 1796 г., в период буржуазной реакции против господства якобинцев, был первой попыткой насильственного коммунистического переворота, попыткой захвата власти и экспроприации буржуазной собственности в интересах трудящихся масс. Выданные предателем заговорщики были арестованы; Бабеф и Дартэ казнены, а Буонаротти приговорен к ссылке.

Но память об этом заговоре сохранилась среди рабочих и ремесленных подмастерьев Парижа, и когда Буонаротти, освобожденный из ссылки и издавший в 1828 г. в Брюсселе книгу «История заговора равных», появился в начале 30-х годов в Париже, и он, и его книга захватили многие сотни, если не тысячи рабочих, среди которых в тайных кружках Буонаротти проповедывал идеи утопического коммунизма и народной революции.

На Бланки этот глубокий старец, борец и мученик за права и счастье всех трудящихся и обездоленных, произвел очень сильное впечатление, и выстраданные им идеи, правда, еще смутные и неопределенные, стали и его идеями. Таким образом через посредство Буонаротти Бланки сделался прямым наследником и продолжателем социального учения и революционной тактики Бабефа.

В это же время произошли большие перемены в личном и семейном положении Бланки. Умер отец его. С братом Адольфом, который стал чиновником Июльской монархии и которого приводили в ужас революционные и социалистические идеи и деятельность неугомонного Огюста, он порвал окончательно. Наконец,

он женился на своей ученице Сюзанне-Амалии Сэрр бросил одинокую жизнь вечного студента и зажил по-семейному. Но эта перемена, которая для многих молодых людей в буржуазном обществе является решающим поворотом в их жизненной карьере, нисколько не изменила не только взглядов Бланки, но и его образа жизни, ни на один момент не прервала его революционной деятельности.

Ему приходилось постоянно покидать так называемый домашний очаг, покидать любимую жену, а потом и ребенка для нелегальной агитации, для таинственных свиданий и конспиративных собраний. Каждую минуту он мог ожидать, что его арестуют, ибо имя его стало уже хорошо известно полиции и прокуратуре, и за ним был учинен бдительный надзор. И молодая жена примирилась с таким положением и не отрывала Бланки от его опасной и рискованной деятельности.

Социалистические взгляды и стремления Бланки не мешали ему быть и действовать в самом тесном общении с мелкобуржуазными демократами и республиканцами. Разрыв между демократами и рабочими-социалистами наступил лишь позднее, во второй половине 30-х гдов. Пока же они часто состояли в одних и тех же обществах. На месте закрытого «Общества друзей народа» в 1832 г. возникло новое «Общество прав человека». Во главе его стояли тоже мелкобуржуазные республиканцы, но в самом Обществе было уже значительно больше рабочих. Против него снова обрушились преследования министров Луи-Филиппа, бывших вождей либеральной оппозиции, т. е. Гизо, Тьера и других, за которыми покорно плелись ставленники финансовой аристократии в палате депутатов. На первых порах эти преследования кончились неудачей: присяжные оправдали привлеченных к суду членов Общества.

Но новый закон против свободы союзов вывел республиканцев из терпения, и они начали готовиться к очередному выступлению, которое разразилось раньше, чем им этого хотелось, благодаря событиям в Лионе. Там 9—13 апреля 1834 г. рабочие опять восстали из-за ужасных условий труда, и их «общества взаимопомощи» объединились для этого с отделениями «Об-

Кровавая баня на улице Транснонэн.

щества прав человека». Восстание, несмотря на упорные четырехдневные бои, было подавлено с невероятным зверством.

Лионское восстание всколыхнуло всю Францию. 11 и 12 апреля произошли кровавые столкновения в ряде городов (С. Этьене, Гренобле, Пуатье и др.).

В Монвиле был подавлен бунт кирасиров. В Париже правительство в ночь с 12 на 13 апреля арестовало 150 видных деятелей «Общества прав человека». В ответ на это вспыхнуло без всякой подготовки восстание республиканцев в Париже, где 3—4 тысячи революционеров боролись на баррикадах против сорокатысячной правительственной армии и были беспощадно разгромлены. Особенной жестокостью прославился кровавый генерал Бюжо, который с исключительной свирепостью расправлялся с мирным населением. В одном только доме № 12 на улице Транснонэн было зарублено 19 человек, в том числе женщины, дети, старики и даже больные. Память об этой страшной резне безоружных людей, так называемой «Кровавой бане на улице Транснонэн», несколько десятилетий жила среди

парижских рабочих. При этом, говорят, министр Тьер, бывший либерал и будущий палач Коммуны 1871 г., приказал «истреблять по возможности молодое отродье, чтоб оно не явилось мстителем за павших борцов».

Правительство воспользовалось этими событиями, чтобы развязать себе руки для самой откровенной реакции. А когда летом 1835 г. корсиканец Фиески совершил покушение на короля, реакция достигла своей высшей точки.

Какова была роль Бланки во время всех этих происшествий? Хотя он пользовался уже среди республиканцев заслуженной репутацией смелого и проницательного революционера, хотя к нему охотно прислушивались и вполне ему доверяли, но руководящей роли он еще не играл. Во главе «Общества прав человека» стояли более солидные и известные республиканцы. По делу о парижском восстании 1834 г. он не был вовсе привлечен и, по всей вероятности, он ему не сочувствовал, считая его слишком легкомысленным: ведь и учитель его Буонаротти тщетно предостерегал пылких республиканцев от этого восстания. Но тотчас после его подавления, когда начались массовые аресты и готовился огромный политический процесс против обвиняемых в лионском и парижском восстаниях, Бланки с величайшей энергией взялся за организацию защиты и сам должен был выступить на суде в числе защитников с тем, чтобы изложить политические и социальные убеждения обвиняемых и солидаризироваться с ними.

В это время Бланки впервые встретился и сошелся с другим видным тогдашним революционером Арманом Барбесом, с которым его на много лет связала общая судьба и которому впоследствии суждено было стать злейшим врагом и причиной величайших нравственных страданий Бланки.

Барбес был во многих отношениях полной противоположностью Бланки, и между ними с первых же шагов их совместной революционной, заговорщицкой деятельности неизбежно должен был возникнуть ряд конфликтов, их должно было разделять взаимное непонимание, впоследствии перешедшее в ненависть.

Барбес был мелкобуржуазный демократ, очень далекий от социализма. Искренно преданный делу буржуазно-демократической революции, последователь Конвента 1793 г., Барбес был в то же время недалекий и несколько легкомысленный человек; он не задумывался над основными пружинами и конечными целями революционных движений. Социалистические взгляды Бланки и его несомненное умственное превосходство раздражали Барбеса.

Будучи верующим христианином, Барбес враждебно относился к боевому атеизму и материализму Бланки. Пылкий и экспансивный, т. е. шумный, говорливый и нетерпеливый, любящий красивые жесты и эффектные позы, хотя беззаветно храбрый, Барбес был прежде всего богатым человеком, которого революционная деятельность привлекала своими сильными ощущениями; его должны были отталкивать замкнутость и сосредоточенность Бланки, его терпение, конспиративная осторожность и выдержка, которая нетерпеливым натурам могла даже казаться иногда нерешительностью или трусостью.

Впрочем, все эти разногласия особенно резко выступили позднее, в период революции 48-го года. В данный момент, после ареста всех видных республиканцев и поражения прежнего республиканского движения, Бланки и Барбес стали самыми крупными фигурами в революционном мире и действовали временно в полном согласии, объединяемые одной общей целью — подготовить новое восстание. Им не удалось выступить публично в так называемом «апрельском процессе 1835 г.», о котором мы говорили выше, так как правительство допустило лишь официальных адвокатов. Но значение Бланки в это время и уважение, которым он пользовался в среде республиканской интеллигенции, видны из того, что важнейшее совещание всех защитников по вопросу о той тактике, которой следовало держаться на суде, — происходило на квартире Бланки. Вместо разгромленного и закрытого «Общества прав человека» Бланки и Барбес вскоре после суда, уже летом 1835 г. основали новую, на этот раз совершенно тайную организацию «Общество семей». Это Общество

избегало всякой публичной деятельности, которая могла бы обратить на него внимание властей. Оно не устраивало собраний, не выпускало прокламаций. Каждые пять членов Общества составляли «семью» и подчинялись «главе» этой семьи как своему начальнику. Больше они никого не знали. Только главы сносились с представителями центра. Рядовые члены Общества не посвящались в его планы и задачи. Каждый обязан был лишь держать у себя тайно ружье и патроны и ждать устного приказа своего начальника к «выступлению».

Через несколько месяцев в Обществе насчитывалось уже больше тысячи членов, в том числе довольно много военных из парижского гарнизона, главным образом, унтер-офицеров; из них самым влиятельным был и самое близкое участие в заговоре принимал Мартен Бернар. Предполагалось внезапным ударом при помощи военных членов Общества поднять несколько полков и, вместе с рабочими, членами «семей», повести их на королевский дворец. Но, как почти всегда бывает в таких заговорах, все дело было раскрыто полицией раньше, чем заговорщики успели приступить к выполнению своего плана.

Для восстания нужны были порох и пули. Были организованы для выделки их две тайные мастерские. В пороховую мастерскую, устроенную в пустом помещении уединенного квартала, ежедневно приходил Бланки, а Бернар по ночам переносил порох в патронную мастерскую. Их выследила полиция, нагрянула в одну из мастерских, где застала за работой несколько студентов и рабочих, и одновременно захватила Бланки на квартире Барбеса. Это было в марте 1836 г. По некоторым записям, которые не удалось уничтожить, была обнаружена вся организация и весь план заговорщиков. Но, чтобы скрыть от широкой публики готовившуюся «измену» в полках, дело по организации военного восстания было замято, и подозрительные полки были лишь переведены в Африку на колониальную службу. А сам Бланки и его ближайшие товарищи, по той же причине, т. е. чтобы избежать слишком громкого процесса, отделались сравнительно легко, всего двумя годами тюрь-

мы. Впрочем, фактически им пришлось просидеть всего лишь немного больше года, так как в мае 1837 г. они были освобождены по амнистии, «милостиво дарованной» королем по случаю женитьбы наследного принца.

После суда, для отбывания наказания, Бланки увезли в далекую провинциальную тюрьму. Жена с ребенком поехала за ним, чтоб иметь возможность ухаживать за ним и хоть изредка получать свидания. Но и амнистия не дала Бланки полной свободы. Ему был запрещен въезд в Париж, и он был поселен в маленьком провинциальном городке Жанси под надзором полиции.

Время, проведенное в сельской глуши вместе с семьей, было отдыхом для Бланки, это был единственный период его сознательной жизни, когда он мог насладиться и страстно любимой с детства природой и семейным уютом. Но и тут он ни на один момент не покидал своих планов восстания и все время поддерживал самые деятельные сношения с парижскими товарищами-рабочими. Уже летом 1837 г., т. е. после освобождения Бланки из тюрьмы, в Париже вместо «Общества семей» была основана под непосредственным руководством и по плану Бланки новая тайная организация «Общество времен года».

Задачи этого Общества, под несомненным влиянием Бланки и вследствие преобладающего пролетарского его состава, носили явно социалистический, хотя все еще, конечно, неопределенный, расплывчатый, нечеткий в классовом отношении характер. Оно ставило себе целью «уничтожить аристократию», новую денежную аристократию, и потому объявило войну всем «капиталистам, банкирам, поставщикам, монополистам, крупным земельным собственникам, биржевикам, словом, всем грабителям, жиреющим на счет народа», т. е., как видно из этого перечисления, не всем капиталистам вообще, а лишь его наиболее паразитическим элементам, в руках которых была власть при Июльской монархии, и которые возбуждали особенную ненависть народных масс.

Далее предполагалось путем «радикальной социальной революции» уничтожить все имущественные и родовые привилегии, создать диктаторскую революцион-

ную власть и постепенно ввести принцип равенства. Это было в значительной мере воспроизведение плана Бабефа.

Таким образом, в отличие от марксизма, социализм Бланки при всей своей революционности был и остался отражением более ранних и отсталых форм рабочего движения, полуремесленных особенностей парижского пролетариата, а прежде всего — идеологией тех групп политических, мелкобуржуазных революционеров, которые поняли необходимость опереться на рабочих в своей борьбе за демократическую республику. Именно в этот период, т. е. в 30-х годах, сложились в основном характерные социально-политические взгляды Бланки, которые подробно были им развиты в 60-х годах: его вера в творческую силу диктаторской власти, во всемогущество знания и просвещения, как главных двигателей истории и единственных действительных путей к коммунизму, его восхваление интеллигенции и идеалистическое понимание истории, т. е. вера в исключительную силу личностей и идей. Отсюда вытекало его непонимание всего значения экономической борьбы и организации пролетариата и признание лишь двух видов социалистической деятельности: или восстания или просветительной работы. Вместе с тем в этот же период жизни Бланки окончательно формируется его глубокий и искренний революционный демократизм, его жгучая ненависть к господствующим классам, наконец, признание им необходимости вооруженной борьбы за власть, т. е. все те особенности его взглядов и деятельности, которые позднее, особенно во время революции 1848 г., ценил в нем Маркс.

Организация тайного общества была идеальной по своей конспиративности и стремилась избежать всех ошибок прежних заговоров, что отчасти и удалось основателям его: оно существовало почти два года и начало восстание по заранее разработанному плану, а полиция так и не узнала до конца ничего существенного о заговоре и была застигнута восстанием совершенно врасплох. Каждые 6 человек составляли «неделю», во главе которой стояло «воскресенье», 28 человек составляли «месяц», которым командовал «июль»,

84 человека составляли «время года», под начальством «весны», а 352 человека составляли «год», или батальон, майор которого назывался «революционным агентом». Каждый член знал только свое непосредственное начальство. Имена заменяли номерами. Списков не существовало; тщательно избегали что-либо писать. Смотры производились открыто на улице и таким образом, что только вожаки знали о присутствии своих подчиненных, совершенно не знакомых друг другу. От главного комитета зависело раздать в последнюю минуту, без всякого предупреждения, во время одного из смотров оружие и поднять восстание.

К этому надо добавить, что прием новых членов Общества обставлялся торжественными церемониями и присягами, которые должны были действовать на воображение участников [1].

Порох закупался медленно, маленькими частями. Оружие в последний момент можно было захватить в оружейных магазинах.

Душой всей этой хитроумной организации был Бланки. Это он, неизвестный лично большинству участников, руководил подготовкой сложного заговора из своего провинциального уединения. Главными помощниками его были снова Барбес и Мартен Бернар. Барбеса, впрочем, тоже не было в Париже, но с него взяли обещание явиться по первому вызову к моменту восстания, день которого опять-таки должен был указать Бланки.

Между тем часть членов Общества тяготилась бездействием и требовала ускорить «выступление». Поли-

---

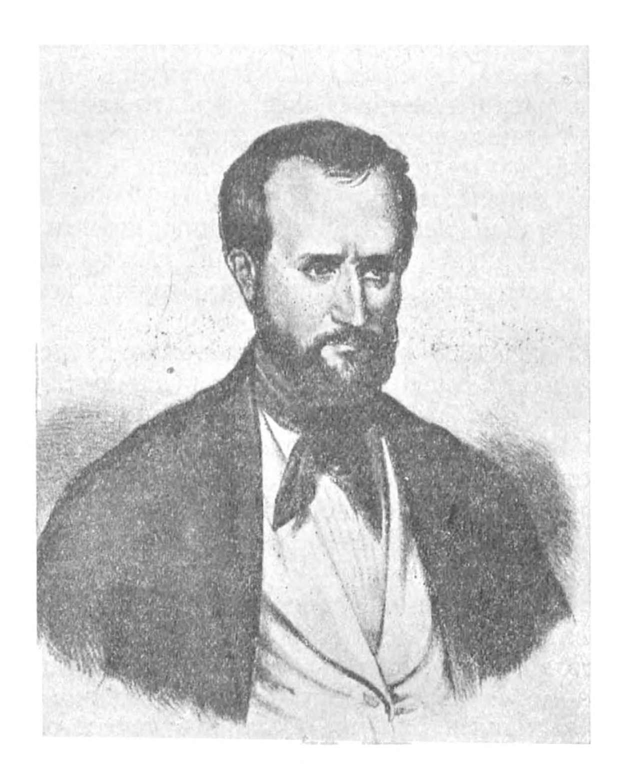
[1] Вот текст присяги: «Именем республики клянусь вечно ненавидеть всех королей всех аристократов и всех угнетателей человечества. Клянусь быть безгранично преданным народу, клянусь быть братом всем людям, кроме аристократов. Клянусь карать изменников. Обещаю отдать свою жизнь, даже пойти на эшафот, если эта жертва будет необходима, ради установления народной власти и равенства. Пусть накажут меня смертью изменника, пусть пронзит меня кинжал, если я нарушу свою клятву» и т. д. Эту формулу составлял, повидимому, Барбес, и она носит явно мелкобуржуазный, а не социалистический характер, будучи направлена почти исключительно против «аристократов».

ция в последний момент тоже что-то начала подозревать. Поэтому приходилось торопиться. К началу 1839 г. в распоряжении Общества было около тысячи человек, готовых восстать по сигналу вождей и к этой тысяче, по их предположению, должны были присоединиться многие тысячи рабочих. Но события показали, что можно перехитрить полицию, но нельзя перехитрить историю: ибо революции не изготовляются по заказу маленьких заговорщицких групп, не связанных тесно с массами.

На 12 мая 1839 г., в воскресенье, когда вся почти полиция и все высшие власти были на конских бегах под Парижем, и было назначено восстание. Бланки вернулся в Париж еще в начале года и лично руководил последними приготовлениями. Барбес, повидимому, с неохотой примыкал к восстанию и явился в Париж лишь после напоминания о данном обещании.

На 12 мая был назначен очередной смотр членов Общества. Заговорщики собрались в нескольких кабачках в центральной части города, на улицах Сен Дени и Сен Мартэн, а также в квартирах сочувствующих рабочих возле известного оружейного магазина Лепажа. В полдень явился Бланки, объявил о начале восстания и начал командовать своим маленьким отрядом, разъясняя своим приближенным план предстоящего восстания. Он прицепил к своему пистолету красный шнурок и дал сигнал нападения на магазин Лепажа, откуда он сам и Барбес раздавали заговорщикам патроны. После некоторых внутренних трений и небольшой суматохи образовались три вооруженных отряда и в стройном порядке, под командой Бланки, Барбеса и Бернара, направились к зданию полицейской префектуры (градоначальства), которая в этот день почти пустовала и казалась вполне доступной. Но тут случилось нечто, что опрокинуло все расчеты и сразу обрекло все предприятие на гибель.

Когда среди гуляющей воскресной публики появились вооруженные отряды с пением революционных песен, эта публика, вместо того, чтобы, как надеялись

Бланки.

заговорщики, примкнуть к восстанию, сразу в испуге шарахнулась во все стороны, и отряды революционеров оказались как бы в пустоте. Все же они двинулись вперед, и им удалось захватить один полицейский пост, причем неизвестным выстрелом был убит полицейский офицер; но префектура оказалась забаррикадированной и неприступной. Тогда отряды отступили к площади Шатле, объединились и бросились к городской ратуше (здание городской думы), этому излюбленному центру всех парижских революций и восстаний. Заняв ее, они провозгласили там временное правительство, написали несколько революционных декретов, прокла-

мацию[1], выбрали Бланки главнокомандующим, а Барбеса, Бернара и еще троих командирами будущей республиканской армии и... больше делать было нечего: Париж был попрежнему глух. Между тем власти уже узнали о восстании, и к ратуше посланы были войска и буржуазная национальная гвардия. Заговорщики, видя свою полную изолированность от населения, упали духом. Чтобы ободрить их и дать им дело, их направили занимать соседние мэрии (районные управы) и полицейские участки. Произошло несколько вооруженных стычек с Национальной гвардией. На базарной площади Сен Жан была оживленная перестрелка, в результате которой было довольно много жертв, в том числе среди посторонней публики. Было построено несколько баррикад. Но все это были уже акты отчаяния.

Вернувшиеся с бегов полиция и Национальная гвардия быстро рассеяли заговорщиков и разрушили их баррикады, несмотря на упорное сопротивление. К 11 часам вечера все было кончено. При защите одной из баррикад Барбес был ранен в голову и потом схвачен. Бланки удалось скрыться, и он был арестован только несколько месяцев спустя, в октябре, в тот момент, когда садился в дилижанс (почтовую карету), который должен был увезти его в Швейцарию.

Обвиняемых судили в два приема: первую группу, во главе с Барбесом, — в июле, вторую группу — с Бланки — уже в январе 1840 г. В качестве суда фигурировала сама «палата пэров», т. е. верхняя палата французского парламента, состоявшая из назначенных королем наиболее «заслуженных», т. е. наиболее богатых

[1] Вот текст этой прокламации: «К оружию, граждане! Для угнетателей пробил роковой час. Подлый тиран Тюильри (королевский дворец. — *Б. Г.*) смеется над голодом, который терзает внутренности народа; но мера его преступлений полна, они скоро, наконец, получат свое возмездие. Франция, которую предали, кровь наших зарезанных братьев кричит о мести. Пусть эта месть будет ужасна, ибо она приходит поздно; пусть погибнет, наконец, эксплоатация, и пусть водворится торжествующее равенство на развалинах монархии и аристократии». Затем указывается, что «временное правительство» назначает Бланки главнокомандующим, остальные военные посты разделяются между его ближайшими соучастниками.

и хищных представителей финансовой аристократии и их прихвостней. На этот раз, когда буржуазия поняла, что целью восстания являлось уничтожение привилегий высших классов и введение экономического равенства, она пришла в ярость, и суд ее был беспощаден. Обвиняемым припомнили все прежние попытки восстания и даже заговор Бабефа. Все они решили отказаться от дачи показаний; и только Барбес произнес мужественную речь, в которой брал всю вину на себя и попытался выгородить рядовых участников[1].

В результате Бланки и Барбес были приговорены к смерти, Бернар — к ссылке, остальные обвиняемые — к ссылке и тюрьме.

Вынесенный в июле, еще до ареста Бланки, смертный приговор Барбесу вызвал глубокое возмущение среди лучшей части интеллигенции и студенчества. Организовывались ходатайства о смягчении приго-

---

[1] Вот официальное сообщение о выступлении Бланки на суде:

Председатель. — Подсудимый Бланки, вы слышали предъявляемое вам обвинение? Вы уже давно известны крайностью своих республиканских взглядов. Еще в 1835 году вы были осуждены вместе с Барбесом за изготовление пороха и участие в тайном обществе. Наказание вас не исправило и вы продолжали злоумышлять против правительства своей страны.

Бланки. — Господин председатель, в начале судебных прений я ответил вам на все вопросы, чтобы дать вам возможность установить мою самоличность. Мое дальнейшее намерение — не говорить ни слова. Но ввиду того, что обвинительный акт делает по нашему адресу гнусные упреки, я считаю своим долгом по отношению к самому себе, по отношению к моим товарищам по скамье подсудимых и по отношению к республиканской партии, к которой я имею честь принадлежать, категорически эти упреки опровергнуть. Здесь заявили, что республиканцы были людьми жестокими и кровожадными: я решительно против этого возражаю. Ни теперь, господа присяжные заседатели, ни в 1832 году, ни в 1834, ни в 1839 республиканцы не заслужили этого упрека. Не они избивали женщин, стариков и детей; это делали их противники... Правда, на рынке Сен Жан были несчастные случаи; мы горько о них сожалеем. Там видели среди восставших — людей, которые плакали; уж не их ли можно назвать варварами?.. Мы пролили кровь только потому, что совесть наша нам повелела вступить в бой. Вот тот ответ, который я хотел дать; я хотел только опровергнуть сделанные по нашему адресу намеки, — они ложны и носят, я позволю себе это сказать, клеветнический характер.

вора, подавались петиции, к королю обращались такие литературные знаменитости, как Виктор Гюго и Ламартин, будущий министр 1848 г. Король сдался и заменил Барбесу смертную казнь пожизненной каторгой. Когда после того к смерти был приговорен и Бланки, то и по отношению к нему была оказана та же «милость», теперь уже без всяких ходатайств.

Всех важнейших осужденных отвезли в мрачную тюрьму Мон Сен Мишель (гора св. Михаила), расположенную в бывшем монастыре на скалистом берегу Нормандии, в стране туманов и ветров. Все тюрьмы, в которых пришлось побывать Бланки до сих пор, были лишь преддверием к той «настоящей» тюрьме, в которую он попал теперь. Раньше это были лишь кратковременные эпизоды в его бурной политической карьере, передышки в его революционной деятельности, во время которых тюрьма, как таковая, не успевала дать себя почувствовать. Теперь предстояли долгие, долгие годы тюремной одиночки, может быть, без надежды снова увидеть свободу, в атмосфере общественной реакции. С этого момента тюрьма впервые делается неизбежной и притом важнейшей частью всей жизни Бланки. Отныне он не только революционер, — он — «заключенный», он — вечный узник, для которого долгие, мрачные годы тюрьмы прерываются лишь короткими периодами свободы. Поэтому этот период жизни Бланки заслуживает более подробного ознакомления.

Тюремные условия в тогдашней Франции, особенно для «опасных политических преступников», имели очень много общего с тюрьмами царской России. Когда Бланки со второй партией осужденных привезли в тюрьму Мон Сен Мишель, где уже томились Барбес и Мартен Бернар с товарищами, он застал там следующий режим. «Политические» находились в строгом одиночном заключении. Им запрещалось сноситься друг с другом, петь, вообще проявлять какие-либо признаки жизни. За малейшее ослушание, малейший протест против убивающих условий одиночки, этого живого гроба, следовал мрачный и вонючий карцер, в

который заключенного волокли нередко за ноги, причем голова его стукалась о каменные ступени лестниц; все это сопровождалось страшными избиениями.

Французский писатель Ипполит Кастиль в следующих словах описывал жуткий режим этой тюрьмы: «Мало кто знает о том, что вытерпели узники Мон Сен Мишеля. Их таскали за волосы по гранитным лестницам зловещего монастыря. Подлые тюремщики осыпали их побоями. Их заковывали в кандалы, впивавшиеся в тело и заставлявшие трещать кости. По ночам до заключенных доносились — в девятнадцатом веке! — ужасные крики их единомышленников, которых пытали палачи. Они видели, как их товарищей, наполовину сгнивших от язв и пожираемых вшами, бросали на дно мрачных подземных темниц».

После приезда Бланки режим еще ухудшился. Его встретила лицемерно-сладкая улыбочка начальника тюрьмы, который подстрекал надзирателей к избиениям и караульных солдат к стрельбе по окнам заключенных, а потом объяснял это «недоразумением». Пища арестантов была ужасна. Вот как описывал ее Бланки в одном из своих писем к друзьям: «Нас кормят тухлым коровьим мясом, плавающим в каких-то помоях. Часто в этом кушанье, которое заключенные зовут «рвотным», находятся черви. Гороховое пюре тоже приготовляется из червивого гороха». На все жалобы арестантов высшему начальству следовали лишь ответы об усилении строгостей. Кроме карцеров, наказанием для целых многочисленных категорий «политических», в том числе и для Бланки, служило так называемое «малое изгнание», перевод на целые долгие месяцы из обычных камер в особые чердачные клетки, с открытыми стенами, где они зимой страдали от пронзительных холодных ветров, а летом от невыносимого солнечного зноя. Наконец, чтобы отнять у заключенных возможность сноситься друг с другом при помощи записочек, передаваемых из окна в окно по веревочкам, в их окна вставили двойные густые решетки, вроде металлических сеток, и, таким образом, их окончательно замуровали. Это вызвало новые протесты и новые избиения.

Такой режим порождал у заключенных многочисленные болезни и даже сумасшествие. Но тюремный врач был под стать всей администрации и относился к болезням арестантов с циническим равнодушием.

При этом ужасном режиме Бланки проявил огромную выдержку. Он замкнулся в себе, не поддавался на провокацию надзирателей, молча наблюдал за всем происходящим и копил лишь в душе запас жгучей ненависти против насильников. Одновременно в первый же год его заключения его постиг тяжкий личный удар, который надолго сделал его равнодушным ко всем внешним условиям жизни и как бы даже ненормальным: умерла его горячо любимая жена, которую он оставил больною в Париже с маленьким сыном, умерла, так и не успев посетить его в новом его заключении. Это так подействовало на Бланки, что у него появились галлюцинации: ему казалось, что жена приходит каждый вечер в его одиночку. Это видение доставляло ему такое наслаждение, что он сознательно не боролся с расстройством своего воображения, сознательно поддавался галлюцинациям.

Но крепкие, здоровые нервы и умение владеть собой, а также все ухудшавшийся тюремный режим возвращают его к тяжкой действительности. Он пробует забыться чтением, набрасывается на книги, жадно ловит попадающие в тюрьму клочки газет, а также по письмам друзей пытается следить за развивающейся политической жизнью Европы и особенно Франции. Однако при всей его выдержке и самообладании, при всем его умении уходить в мир духовных интересов, на Бланки нападают иногда припадки отчаяния. После новой гнусной тюремной истории, с избиениями, с карцерами, где заключенных морят голодом и вшами, у Бланки в одном из его тайных писем на волю, обыкновенно полных иронии и юмора, вырываются следующие мрачные строки: «Катастрофа неизбежна. Эти разбойники провоцируют нас, и мы не можем терпеть их насилия без сопротивления. Я не думаю, чтобы мы действовали безумно. Что касается меня лично, мне нечего жалеть и бояться. Я не дорожу жизнью, она тяготит меня. Да и

жить-то осталось немного. Я хотел бы только продать свою жизнь дорого...»

Смена начальника тюрьмы в конце 1841 г. на время несколько ослабила то нервное напряжение, в котором находился Бланки и его товарищи. Вместе с тем у них появились надежды на возможность побега. При всей системе полной изоляции, в какой держали заключенных тюрьмы Мон Сен Мишель, эта изоляция, как это впоследствии бывало и в тюрьмах царской России, не достигала своей цели, и арестанты были в непрерывном общении между собой. Они не только передавали записки друг другу, но ухитрялись даже выходить по ночам из запертых камер при помощи целой системы отмычек и при помощи путешествия по каминным трубам.

Планы побега были у них и раньше, но все они расстраивались еще до приведения в исполнение. Теперь им помогла старуха-мать Бланки, вообще проявившая во время заключения сына изумительную энергию, настойчивость и изобретательность. Она добивалась личных свиданий с сыном, в несколько приемов передала все необходимые инструменты и бечеву, подготовила встречу Бланки на воле.

Вечером 10 января 1842 г. решено было осуществить тщательно разработанный план побега. Бежать должны были четверо приговоренных к вечному заключению: три вождя восстания 1839 г. — Бланки, Барбес и Бернар, а также Гюбер, с которым мы еще встретимся. Трое других заключенных, которым скоро кончался срок, помогали побегу. После ночного обхода надзирателей, узники тайно открывают свои камеры, собираются вместе, вынимают решетку в камере одного из их помощников и затем все семеро спускаются из окна по веревке на лестницу. Они сходят по лестнице к площадке над высоким крутым обрывом, спуск с которого может совершиться тоже только по веревке. Но зато внизу, если миновать часовых, ждет желанная свобода.

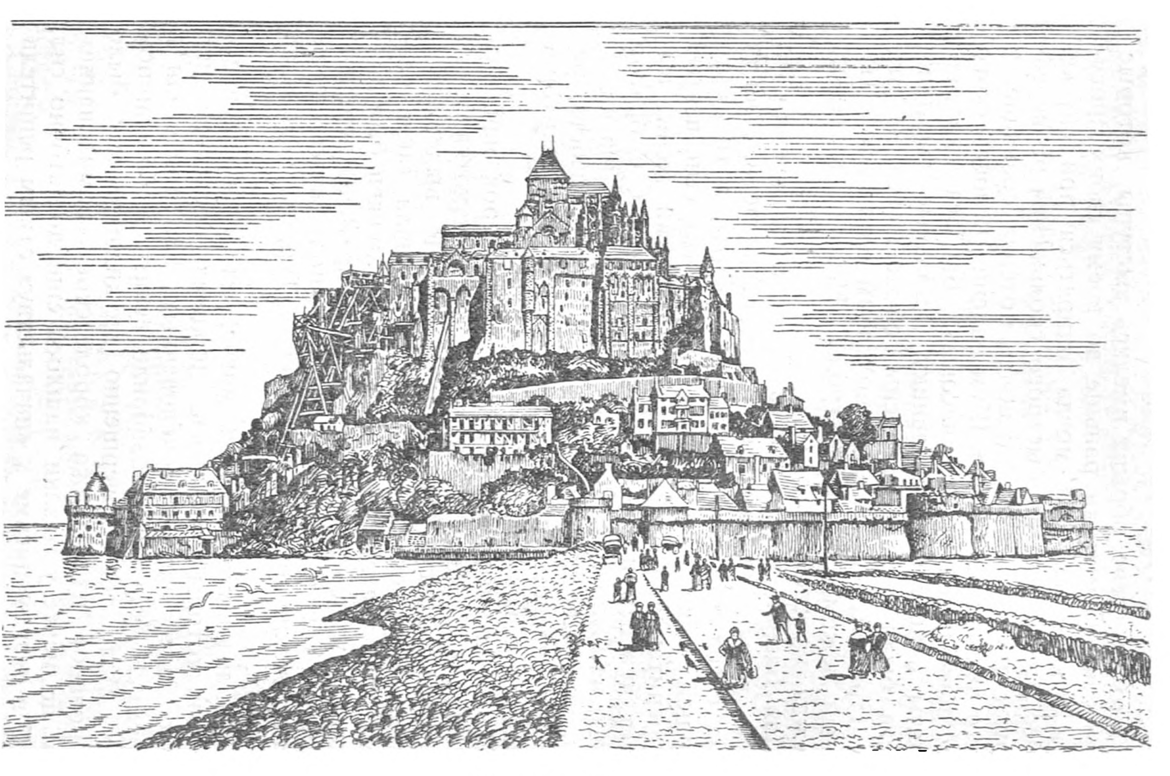
Первым должен был спуститься Барбес. Ухватившись за веревку, он повис в воздухе и начал спускаться, вертясь и цепляясь руками за веревку. При этом он за-

был, что на стене обрыва имелись выступы, которые заключенные заметили раньше во время своих прогулок и о которые нога могла опираться при спуске. Барбес растерялся. От быстрого скольжения по веревке руки его изранены, он почти потерял сознание, и упал с высоты 12 метров. Шум падения человеческого тела привлек внимание часовых. Барбеса схватили солдаты и повели к начальнику. Остальные участники побега были тоже захвачены сбежавшейся на тревогу стражей и рассажены по своим одиночкам. Тюремный режим стал еще строже. Исчезла последняя надежда на свободу.

Для Бланки наступило самое тяжелое время. Тянулись годы без всякого просвета впереди. Бланки снова с головой ушел в книги, в мечты, в тоску по умершей жене. Его мучила мысль, что сын, взятый на воспитание богатыми родственниками жены, вырастет чуждым и ему самому и его идеям. С братом у него не было ничего общего. И только одна из сестер, которые любили и обожали своего Огюста, регулярно навещала его в тюрьме и вносила некоторое утешение и разнообразие в его жизнь.

У сломленных тюрьмой революционеров начались болезни. У Барбеса развилась горловая чахотка, и его перевели в другую тюрьму, на юг. Не выдержал и Бланки. И у него та же болезнь приняла такие размеры, что главный врач департамента должен был признать его жизнь в опасности и настаивать на перемене климата. Тогда, наконец, в 1844 г. получилось свыше распоряжение перевести Бланки в Тур, на юго-запад Франции.

Там и климат оказался мягче, да и обращение с Бланки, который, казалось, доживал последние дни, стало более мягким и человечным. Его поместили в тюремную больницу, позволили гулять в больничном саду. Мало того, совершенно неожиданно ему было «даровано» из Парижа королевское «помилование». Тем не менее у Бланки нашлось еще достаточно сил, чтоб в резком письме к «начальству» самым решительным образом отклонить от себя эту «милость». Он остался в тюремной больнице.

Мон Сен Мишель.

Двадцать месяцев Бланки не вставал с больничной койки. Но организм, закаленный с юности гигиеническим образом жизни, а также страстное стремление жить и действовать для торжества своих идеалов, — все это спасло Бланки от смерти. Весну 1846 г. он провел почти непрерывно в больничном саду, на ярком солнце юга, и здоровье вернулось к нему. Но он оставался все же в больнице, так как начальство было в смущении, не зная, как относиться к этому арестанту, отказавшемуся от помилования.

Это неопределенное положение давало Бланки некоторую относительную свободу. К нему приезжали бывшие товарищи, и они снова принялись энергично обсуждать разные революционные планы. Бланки понимал и чувствовал, что все более разроставшееся движение против июльской монархии неизбежно захватит широкие массы и перерастет в революцию. Он переживал вторую молодость и жаждал дела. Этим воспользовались местные власти, вероятно, не без ведома центрального правительства, чтобы отомстить Бланки за его дерзкий отказ от помилования и лишить его возможности возобновить свою революционную деятельность.

К нему подсадили агента-провокатора, припутали его к революционным беспорядкам в соседнем городе, обвинили в сношениях с тайным коммунистическим обществом, перевели в тюремную одиночку и предали суду исправительной полиции. Но дыхание грядущей революции отразилось даже на этом послушном суде: Бланки был оправдан 26 апреля 1847 г. Почти год он еще оставался в прежнем неопределенном положении, пока Февральская буржуазно-демократическая революция 1848 г. не освободила его окончательно.

III. ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА И ЕЕ ТЮРЬМЫ.

25 февраля Бланки, после почти девятилетнего тюремного заключения, очутился в Париже, во время подъема революции, с тем, чтобы за три месяца напряженной революционной работы снова поплатиться 11 годами тюрьмы! В первый момент он был оглушен и растерян вихрем налетевших на него событий, шумом и водоворотом революционной улицы. Но ему достаточно было одного-двух дней, чтобы ориентироваться в положении дел, и уже на следующий день, 26 февраля, произошло его первое и решающее публичное выступление.

После того, как пролетариат Парижа в трехдневных баррикадных боях сверг монархию Луи-Филиппа, он не хотел снова, как в 1830 г., сделаться жертвой обмана. Между тем самочинно собравшееся временное правительство, состоявшее из буржуазных и мелкобуржуазных журналистов, писателей, адвокатов, смертельно боялось революционного пролетариата и его социальных требований. Буржуазия требовала порядка и охраны собственности и в большинстве своем ненавидела самую республику. С другой стороны, пролетариат добивался в первую очередь обеспечения от голода, права на труд и обуздания буржуазной эксплоатации. И вот правительство, охранявшее интересы буржуазии, все же вынуждено было итти на некоторые уступки рабочим, причем давало обещания с тем, чтобы их не исполнять. Под давлением рабочих провозглашена была республика. По их требованию в состав правительства были введены крайние, радикаль-

ные республиканцы, в том числе популярный среди парижских рабочих историк и мелкобуржуазный социалист Луи Блан и рабочий Альбер.

Но когда 25 февраля грандиозная демонстрация рабочих, осаждавшая ратушу, где заседало временное правительство, потребовала введения красного флага, как официального знамени республики, правительство проявило твердость и министру — поэту Ламартину удалось сладкими речами убедить толпу отказаться от этого требования.

Для успокоения рабочих правительство решило прикрепить красную розетку к древку трехцветного национального флага.

В ответ на другое требование рабочих — «организацию труда и создание министерства прогресса» временное правительство издало декрет об образовании правительственной комиссии по труду, которая должна была заняться рассмотрением проектов об улучшении положения рабочих. Во главе комиссии были поставлены Луи Блан и рабочий Альбер. Комиссия была лишена всяких прав и средств. К работе этой комиссии Луи Бланом были привлечены во имя «справедливости» и хозяева. Такая соглашательская комиссия была обманом рабочих. Это значило при данных условиях требования рабочих положить под сукно.

Старые революционеры, вожаки тайных обществ, баррикадные борцы и более проницательные рабочие, возмущенные тем, что завоеванная ими республика грозит обернуться против рабочего класса, кипели боевым пылом и замышляли новое восстание, чтобы выбросить из ратуши временное правительство и посадить туда настоящих вождей революции. Они страшно обрадовались появлению Бланки среди них, думая, что именно он поведет их немедленно на восстание. 25 февраля вечером было создано бланкистское «Центральное республиканское общество». 26 февраля назначено было большое собрание революционеров. Оно было настроено крайне бурно и воинственно и требовало мести за поражение красного флага.

На это собрание и явился Бланки, маленький, ху-

дой, смертельно бледный, седой, как лунь, несмотря на свои 43 года, но с блестящими глазами. Он был встречен благоговейным молчанием и выслушан с огромным вниманием. Но то, что он сказал, подействовало на собравшихся, как ушат холодной воды, и казалось противоречащим тому представлению, которое составилось о Бланки как о вечном бунтаре и заговорщике.

«Франция еще очень далека от республики, — говорил Бланки. — Если бы мы теперь образовали правительство из числа своих сторонников, столь скомпрометированных в глазах буржуазии, то на провинцию нападет страх, и она окажет поддержку реакции». Он советовал далее предоставить правительство его собственному бессилию, дать ему скомпрометировать себя в глазах широких народных масс, а тем временем взяться за организацию парижских рабочих во внушительную революционную силу, с помощью которой, когда время созреет, и можно будет совершить новый переворот.

Страстная и логическая речь Бланки так подействовала на возбужденное собрание, что оно разошлось, отказавшись от немедленного нового восстания. Вместе с тем правительство и вся буржуазия почувствовали в этом маленьком хрупком человеке страшную силу, поняли, какое влияние он может иметь, со своей проницательностью и авторитетом поседевшего в тюрьмах борца и революционера, — на парижских рабочих. Все буржуазное общество страшно его возненавидело, особенно, когда оно увидело, какой огромной популярностью пользуется основанный им клуб, услышало, как беспощадно и метко бичует он в своих речах лицемерие, нерешительность и трусость правительства, жадность капиталистов и их готовность в любой момент продать республику в целях обеспечения и увеличения своего барыша.

С первых же дней и недель Февральской революции Бланки занял совершенно особое, исключительное положение среди республиканцев, демократов и даже социалистов тогдашней Франции, многие из которых, в том числе и некоторые члены правительства, были его прежними товарищами или единомышленниками

по 30-м годам. Его нельзя было ни подкупить материальными выгодами, ни испугать угрозами, ни усыпить полумерами или революционными фразами. Проницательный, недоверчиво относящийся к людям и глубоко революционный, он твердо стоял на страже интересов пролетариата. И парижские рабочие это инстинктивно чувствовали. Они беззаветно доверяли одному Бланки, которого и Маркс называл впоследствии истинным вождем тогдашнего революционного пролетариата Франции.

По поводу лицемерной республиканской формулы французской мелкой буржуазии — «свобода, равенство и братство» — Бланки писал в прокламации, выпущенной в марте: «Нет свободы для того, кому не хватает хлеба. Нет равенства там, где излишества выставляются на показ рядом с нищетою. Нет братства, когда женщина из народа плетется голодная со своими детьми к дверям богачей. Тирания капитала безжалостнее тирании военной и духовной власти, нужно ее разбить... Не нужно бесплодных формул».

Поэтому и клуб Бланки — «Центральное республиканское общество», по свидетельству одного буржуазного историка, «стал страшилищем мирных парижских буржуа, для которых Бланки являлся как бы воплощением революционного терроризма», хотя революционные страсти, кипевшие в этом клубе, умело сдерживались спокойствием и железной волей самого Бланки.

О том влиянии, какое имел Бланки на членов своего клуба, пишет другой буржуазный историк: «Он располагал к повиновению, но сразу полюбить его было невозможно: он не привлекал к себе, но покорял. Это — свойство всякой сильной нравственной натуры и могучего физического темперамента... Ничто во внешности Бланки не обнаруживало трибуна, а между тем его ораторская мощь была огромна... Это красноречие, холодное, как лезвие шпаги, было, как и сталь, режущим и опасным; и тем не менее оно возбуждало мрачных энтузиастов, жадно ловивших его слова... Его энергичным речам, его полным ядовитого сока резолюциям, неизменно вызывавшим бурные аплодисменты, помогали еще некоторая ловкость, какая-то

хитроумная гибкость, свидетельствующие о том, что этот человек никогда не давал увлекать себя своему воображению и бурному полету своего духа, а, наоборот, сдерживал их, друг за другом, одним дуновением своей воли... Он говорил лишь о том, что надо было сказать для получения желаемого эффекта».

Наконец, вот как характеризует его знаменитый русский писатель Герцен, бывший во время революции в Париже: «Разрывая связи с правительством, он разрывал их окончательно; он никого и прежде не любил из этих слабых людей; теперь он их ненавидел и подозревал. Бланки, человек сосредоточенный, нервный, угрюмый, изнуренный и больной от страшного тюремного заключения, сохранил невероятную энергию духа; Бланки — революционер нашего века, он понял, что поправлять нечего, он понял, что первая задача теперь — разрушать существующее. Одаренный совершенно оригинальным красноречием, он потрясал массы; каждое слово его было обвинением старого мира. Его меньше любили, нежели Барбеса, но слушали больше. Правительство было испугано этим беспощадным человеком; что бы оно ни делало, злой и иронический взгляд Бланки был у них перед глазами, и они бледнели. Извести его старались все: Ледрю Роллен и Коссидьер [1], так же, как и другие; с Барбесом они надеялись поладить».

Отношения между Бланки и Барбесом заслуживают того, чтобы на них остановиться подробнее. Мы уже видели, что характеры этих людей составляли полную противоположность друг другу, и что в классовом отношении их разделяло различие между буржуазным демократизмом Барбеса и революционным утопическим социализмом Бланки. К этому прибавилась еще затаенная злоба Барбеса на Бланки за то, что тот, ссылаясь на давнее обещание Барбеса, втянул его в восстание 1839 г. из спокойного провинциального существования, в восстание, за которое он чуть не поплатился жизнью.

---

[1] Первый — министр внутренних дел временного правительства, второй — начальник парижской полиции в первые месяцы революции. Оба они были крайними демократами, а Коссидьер — даже товарищем Бланки по тайным обществам.

Уже в тюрьме Мон Сен Мишель их отношения были холодные и натянутые. Барбес обвинял Бланки в желании играть роль генерала, роль главного руководителя заговоров. А когда они встретились в 1848 г., их уже разделяла непримиримая вражда. Бланки смотрел на Барбеса с пренебрежением, как на революционного болтуна. Барбес завидовал его популярности, считал его опасным маниаком, страстно его ненавидел и важнейшей задачей основанного им самим революционного клуба, тоже очень популярного, считал противодействие всяким планам и замыслам Бланки. Но главное, что в 1848 г. лежало в основе этой вражды, было то, что Барбес являлся орудием в руках Ледрю Роллена и Луи Блана в их борьбе против революционного пролетариата, вождем которого они считали Бланки.

В начале марта временное правительство опубликовало декрет о выборах в Учредительное собрание и назначило их на 9 апреля. Бланки решил всеми силами воспротивиться этому. Он боялся, что новое правительство, которое будет опираться на избранное общим голосованием собрание, станет более прочным и устойчивым, что этим будет положен конец дальнейшему развитию революции. Но важнейшим мотивом Бланки в требовании отсрочки созыва Учредительного собрания было то, что нельзя приступать к выборам, не подготовив к этому усиленной революционной пропагандой провинцию, особенно отсталые и консервативные крестьянские и мещанские массы и не примирив их с революцией путем глубоких и благодетельных социальных реформ. Впрочем, он знал, что данное правительство на это не способно, и рассчитывал на то, что при отсрочке выборов удастся еще правительство свергнуть и заменить его более революционным. Поэтому он повел кампанию за отсрочку выборов и обновление бюрократического аппарата. С этой целью он, между прочим, отправился в ратушу во главе всего своего клуба и изложил там свои революционные требования (в том числе требование полной свободы собраний и союзов). Правительство отделалось ничего не значащими фразами и отговорками. Тогда Бланки стал готовиться к новой, более внушительной демонстрации, целью которой

был нажим на правительство для осуществления его требований.

Поводом к ней послужило явно контрреволюционное поведение буржуазии. Она демонстративно закрывала фабрики. Она организовала 16 марта демонстрацию протеста отборных буржуазных частей Национальной гвардии, носивших медвежьи шапки, против левых членов временного правительства, издавшего 14 марта под давлением рабочих декрет о роспуске этих частей. Она потребовала выделения из общей Национальной гвардии, в которую входили все граждане Парижа, особой буржуазной гвардии (такая только и существовала при Луи-Филиппе) для противодействия требованиям рабочих. Все это ускорило задуманную Бланки демонстрацию для поддержания прежних требований, к которым Бланки еще прибавил удаление войск из Парижа. Этим он надеялся заставить реакционную часть правительства выйти в отставку.

17 марта образовалось грандиозное шествие, в котором участвовало не меньше 200 тысяч человек. Луи Блан хотел придать этой демонстрации характер выступления в пользу левых членов правительства. Но революционное меньшинство во главе с Бланки хотело толкать правительство влево. Когда депутация от толпы вошла в ратушу, и Луи Блан увидел в ее среде мрачное лицо Бланки и его ближайших товарищей-рабочих, он решил выступить против них в защиту всего правительства в целом. К Луи Блану присоединились также Ледрю Роллен и Ламартин, которые уговаривали делегатов отказаться от их «революционных» требований.

Всем им в резкой речи, сказанной повелительным тоном, ответил Бланки. Он настаивал на немедленном выполнении требований народа, а также на том, чтоб правительство решительно встало на путь радикальных демократических и социальных реформ. И вот тут-то со всей силой сказалась ненависть к нему со стороны Барбеса, который тоже был в числе делегатов. Если б он поддержал Бланки, то союз этих двух наиболее популярных вождей народа сыграл бы в этот день, может быть, решительную роль. Но Барбес, являв-

шийся фактически орудием в руках Ледрю Роллена и Луи Блана, которые льстили ему и задабривали его, выступил в защиту этого правительства. Это разбило настроение делегации и отразилось на настроении массы, которая далеко еще не была политически сознательна. Правительство сослалось на то, что по вопросу о сроке выборов оно ждет необходимых материалов из провинции, и согласилось отсрочить их на две недели. Делегация ушла ни с чем, и демонстрация в том же порядке повернула назад по бульварам. Так соглашательская тактика Луи Блана, поддержанного Барбесом, обезоружила массы и лишила демонстрацию 17 марта всякого значения.

Враги Бланки, может быть, с молчаливого одобрения членов временного правительства, решили, с целью погубить его морально и лишить столь страшной для них популярности,—нанести ему предательский удар из-за угла, не останавливаясь ради этого перед самым циничным подлогом. 31 марта в первом номере исторического журнальчика, издававшегося неким Ташеро, личностью темною и, вероятно, подставною, появилось сенсационное разоблачение: «откровенные» полицейские признания одного из участников восстания 1839 г. Подписи под документом не было, но редакция делала намеки на Бланки, а буржуазные журналисты со злорадством стали указывать, что знаменитый революционер был в тайных сношениях с полицией Луи-Филиппа и выдал ей секреты своей революционной организации.

«Документ» был явно сфабрикован и сшит белыми нитками. Он оказался «копией» с несуществующего оригинала, копией, исходящей из канцелярии бывшего королевского сената и изготовленной, очевидно, по заказу. В ней были перемешаны отрывки из подлинного допроса Бланки с официальным полицейским рапортом и донесением тайных шпионов.

Таково было тогда же мнение всех беспристрастных и честных людей о «документе Ташеро». Ни одна из общественных комиссий, работавших над расследованием этого дела, не нашла ни малейшей тени доказательства того, что Бланки был автором этого доку-

мента, или что он вообще в какой бы то ни было степени мог быть заподозрен в неблаговидном поведении во время следствия. Тем не менее удар был рассчитан метко и произвел свое действие. Хотя ближайшие сторонники Бланки, члены его клуба, остались ему верны, но друзья Барбеса демонстративно от него отшатнулись, а сам Барбес, в первый момент не поверивший клевете, потом из чувства злобы и зависти к Бланки стал ее поддерживать. Вся эта история несомненно была затеяна ее авторами с целью внести раскол, разложение и взаимное недоверие в разраставшееся революционное движение масс.

Бланки был страшно поражен этим злобным, предательским ударом. Он опубликовал обширный ответ, страстный и трогательный одновременно, который является драгоценным свидетельством его революционного достоинства и ненависти к своим политическим врагам, равно как его душевного благородства.

Подвергнув уничтожающей критике самый документ и показав, что он является простым и даже неискусным подлогом, сфабрикованным его врагами, Бланки говорит о своей жизни, полной лишений, о тюрьмах, о потере жены, призрак которой его преследовал в одиночке, и спрашивает, это ли было его наградой за предательство.

«Я вышел из тюрьмы седым, с разбитым сердцем и надломленными силами. И вот мне кричат в уши: «Смерть предателю! Распни его!» «Ты продал своих братьев», — пишет продажное перо. Получить золото, чтобы питаться черным хлебом и пить чашу страданий? Но где же это золото? Я живу на чердаке и трачу 50 сантимов в сутки. Все мое состояние равняется 60 франкам. И меня, дряхлую развалину, влачащего изношенное тело в изношенном платье, меня клеймят продажным! Слуги Луи-Филиппа, превратившиеся в блестящих республиканских мотыльков, с гордостью порхают по коврам ратуши и с высоты своей добродетели, набитой раболепством, бесчестят борца, вырвавшегося из темницы их повелителя».

Затем Бланки переходит в наступление против своих клеветников, говоря, что в их числе имеются и

бывшие революционеры, его старые, когда-то тайные, а теперь открытые враги, которые всегда изображали его существом жестоким, самоуверенным, холодным и честолюбивым. Он опровергает это всей своей жизнью и восклицает: «Негодяи, выставляющие меня каким-то чудовищем безнравственности, расскажите и вы свою интимную жизнь, откройте свои сердца! Что мы увидим? Грубость чувств и извращенность души... То, что вы преследуете во мне, это непреклонность революционера и упорная преданность своим идеям. Вы желаете сокрушить неутомимого борца. Что делали вы эти 14 лет? Только вносили разлад. Я дрался вместе с вами на баррикадах в 1830 году, я снова боролся, уже без вас, в 1839 и 1847 годах, а теперь, в 1848 году выступаю против вас».

Наконец, после проницательной и убийственной критики всех двусмысленных шагов временного правительства, всех его попыток обмануть революционеров и рабочих, Бланки самый «документ Ташеро» объявляет одним из орудий реакционной интриги правительства и заканчивает: «Среди вас есть монархисты. Им я прощаю. Они мстят за монархию одному из ее наиболее озлобленных врагов. Но есть и республиканцы, и у них я спрашиваю по совести, так ли они должны были обращаться с ветераном, который похоронил полжизни, семью, привязанности в глубине королевских тюрем... Ваш поступок внушен вам ненавистью и страхом. Вы не брезгаете никакими средствами, чтобы избавиться от соперника... «Документ Ташеро» был вам необходим, вот вы и нашли его... Подлые увертки при его опубликовании выдают его позорное происхождение. Реакционеры, вы подлецы!»

Ответ Бланки произвел огромное впечатление. Тем не менее и ему не удалось уничтожить действие «документа Ташеро». Его популярность поколебалась. А это и нужно было и правительству и всей буржуазии.

События развивались быстро. На 23 апреля были окончательно назначены выборы в Учредительное собрание. Буржуазная реакция в провинции вела себя вызывающе. И вот, через два дня после того, как Бланки опубликовал свой ответ Ташеро и весь еще

находился под тяжелым впечатлением нанесенного ему удара, — на 16 апреля революционные клубы назначили огромную демонстрацию. В этот день должны были происходить выборы части офицеров Национальной гвардии от рабочих, и демократы и социалисты решили воспользоваться этим случаем, чтобы направить массы рабочих с избирательных собраний к временному правительству с петициями.

Но намерения инициаторов демонстрации далеко не были единодушны. Луи Блан, вступивший в сделку с буржуазией и ставший фактически игрушкой в ее руках, надеялся при помощи этой демонстрации подействовать на правое большинство временного правительства и укрепить падавший авторитет своей Люксембургской комиссии по улучшению быта рабочих. Мелкобуржуазные демократы мечтали о диктатуре Ледрю Роллена и смертельно боялись Бланки. Среди некоторых революционных рабочих снова возникла мысль о государственном перевороте и об образовании комитета общественного спасения, в который, кроме четырех левых членов правительства, должны были войти Бланки и некоторые другие социалисты. Когда Ледрю Роллен увидел этот список, он резко заявил, что никогда не будет вместе с Бланки, и решил принять все меры против демонстрации. Наконец, Барбес колебался, к какой стороне примкнуть, и решил выжидать событий.

16 апреля многотысячная толпа рабочих, среди которых был Бланки и его ближайшие товарищи, была на Марсовом поле и собиралась итти к ратуше. Несмотря на агитацию Бланки, рабочие, повидимому, не были расположены к решительным действиям. Зато буржуазия, не только крупная, но и мелкая, горела ненавистью к революционерам и организовала внушительную контрдемонстрацию. Ледрю Роллен, под предлогом, что правительству грозит опасность со стороны крайних левых, по совету Ламартина велел дать сигнал тревоги и собрать Национальную гвардию. Все буржуазные полки и даже часть ремесленных рабочих послушались приказа. Буржуа дико кричали на улицах: «Да здравствует временное правительство!

Долой коммунистов! Долой Бланки!» К довершению торжества правительства, в тот момент, когда рабочая демонстрация подошла к ратуше, на помощь правительству подошел и Барбес, который был выборным полковником Национальной гвардии, — вместе со своим легионом. В последний момент он снова решил выступить против Бланки, на этот раз с оружием в руках. Соглашательская тактика Луи Блана привела к поражению пролетариата.

Правительство чувствовало себя победителем. Ламартин надменно отказался принять рабочую делегацию. Едва добились от него разрешения пропустить манифестацию пройти мимо ратуши. Рабочие шли между направленными на них штыками буржуазной гвардии и с опущенными головами выслушивали насмешки и оскорбления буржуа, опьяненных торжеством.

После этого начался разгул буржуазной реакции. Уже 16-го вечером аристократические кварталы Парижа были иллюминованы. Отряды Национальной гвардии маршировали по улицам с криками: «Смерть коммунистам!» Главная злоба буржуазии была направлена против Бланки. Солдаты Национальной гвардии врывались в его клуб, искали его, арестовали его ближайшего товарища и помощника, рабочего Флотта. Но Бланки уже скрывался. Префект полиции Коссидьер настаивал на официальном аресте Бланки, так как видел, что даже среди организованных при полиции рабочих отрядов растут симпатии к Бланки. Один полицейский комиссар с несколькими полицейскими явился на квартиру, где он скрывался, но нашел его окруженным двумя десятками вооруженных рабочих и благоразумно ретировался.

Между тем наступили выборы. Как и предсказывал Бланки, везде побеждала буржуазная реакция. Только это была не победа монархистов над республиканцами, как думал Бланки, а, как правильно указал Маркс, победа буржуазной республики, такой, какой тогда только и могла быть Франция, над той неопределенной «народной» или «социальной» республикой, о какой мечтал Бланки. И хотя незначительное меньшинство настоящих демократов и даже социалистов и вошли в Уч-

редительное собрание, хотя там оказались и Луи Блан, и Альбер, и Барбес, но Бланки не попал даже ни в один избирательный список; даже в списке, составленном главарями рабочих ремесленных цехов Парижа, боялись поставить это страшное имя!

Бланки, впрочем, не особенно жалел об этом. Он продолжал свою революционную деятельность. Во время выборов в провинции буржуазия держалась так вызывающе, что в некоторых местах произошли столкновения с рабочими. В Руане, когда выяснилось, что на выборах победил кандидат буржуазии Сенар, Национальная гвардия арестовала рабочих, и один из них, Кенель, был убит. Это привело к баррикадам и дало повод властям двинуть против рабочих войска. Командующий войсками в Руане, генерал Ординэр, явился перед баррикадами и послал восставшим рабочим ультиматум о немедленной сдаче. Он дал им 15 минут на размышление и послал рабочим свои часы. Рабочие вернули ему часы и отказались сдаться без боя; и вот произошло первое во время революции свирепое избиение рабочих, 50 человек было убито, еще больше ранено.

Это событие страшно возмутило революционные клубы Парижа. Бланки немедленно откликнулся на него страстным, горячим воззванием, в котором писал между прочим: «Контрреволюция купается в народной крови! Где справедливость? Месть за убийство! Уже два месяца руанская буржуазия подготовляла тайно рабочим Варфоломеевскую ночь. Она запасалась оружием и патронами. Власти это знали. Каким образом одна лишь буржуазия оказалась организованной и вооруженной? Почему противники ее были безоружны? Теперь... спустя только два месяца после революции! Вы действуете энергично! Вы, граждане временного правительства!.. Вы даже женщин не щадите! Если бы ваши жены и дети, прелестные и нежные создания, нарядные и праздные, разъезжающие в богатых экипажах по улицам Парижа, если бы они упали к вашим ногам, пронзенные безжалостной вражеской пулей!.. О, какие безграничные страдания это причинило бы вам! Так идите же в больницы, идите в чердачные

рабочие квартиры и вы найдете их, вы увидите эти груди, пробитые гражданскими пулями... Женщины из народа не хуже ваших жен; их кровь взывает к мести! Справедливость! Месть убийцам!»

Но, вопреки требованиям Бланки, чтобы виновных представителей власти предали суду, правительство в руанских событиях обвинило самих же рабочих, которых арестовали сотнями. Реакция выступила открыто.

Когда в начале мая собралось Учредительное собрание и его политическое лицо выяснилось вполне, когда буржуазные депутаты неистовствовали при одном слове «социализм» или «социальный» и не давали говорить самым умеренным социалистам, начался новый подъем революционного движения в массах. Внешним поводом для того, чтобы этот подъем нашел себе выход, послужили события в Польше. Революция 1848 г., охватившая всю Европу, перекинулась также в прусскую и австрийскую части Польши, в Познань и Галицию. Но там восстания были жестоко подавлены прусскими и австрийскими властями. Тогда революционный комитет в Кракове обратился с воззванием о помощи к революционной Франции. Но правительство оставалось глухим к призыву. Оно вело реакционную внешнюю политику и заигрывало даже с царской Россией — жандармом Европы.

Рабочие и частично мелкобуржуазные массы Парижа требовали немедленной помощи революционному движению в Польше. Решено было 15 мая устроить массовое шествие к Учредительному собранию, чтобы потребовать у него военной помощи польским революционерам. Многие социалисты отнеслись к этой затее скептически и подозрительно, как к военной авантюре, к которой Франция не подготовлена и которая поможет тем, кому это выгодно, уклониться от решения социального вопроса в самой Франции. Категорически против демонстрации высказался и Бланки, считая ее преждевременной. Он советовал основанному им обществу в ней не участвовать.

Но когда в день манифестации выяснилось, что она приняла небывало внушительный характер, все социа-

листические и революционные клубы примкнули к ней, в том числе и клуб Барбеса. Бланки же со своим клубом присоединился к демонстрации уже на площади Согласия, возле Бурбонского дворца, где заседало Учредительное собрание, и стал во главе шествия. В последний момент он поддался убеждениям использовать движение в своих революционных целях, хотя мало верил в его организованность и в его успех. И, действительно, оно оказалось совершенно стихийным, причем к нему присоединилось множество авантюристских и прямо провокаторских элементов, в том числе агенты Бонапарта, будущего Наполеона III.

Массы ворвались в самый зал Учредительного собрания, где в это время было заседание, и там произошло неописуемое смятение. Зал превратился в импровизированный, совершенно хаотический митинг.

Сперва выступил известный мелкобуржуазный демократ Распайль и огласил петицию, в которой к правительству обращались с требованием объявить войну угнетателям Польши, помочь польскому восстанию и тем поддержать старые революционные и республиканские традиции Франции. Затем его сменил ряд никому неведомых ораторов. Шумный митинг становился все более беспорядочным. Вдруг кто-то из демонстрантов произнес имя Бланки. Оно моментально было подхвачено сотнями голосов членов клуба Бланки. Барбес, бывший депутатом Учредительного собрания, услышав имя Бланки, решил не допустить его к ораторской трибуне и стал требовать удаления посторонней публики из зала заседаний. Но было уже поздно. Маленький, седой, бледный человек, это пугало всей буржуазии, в наглухо застегнутом черном сюртуке и черных перчатках, на плечах рабочих поднесен был к трибуне и стал говорить. Сперва он говорил об истекающей кровью Польше, но вскоре перешел к более важным, по его мнению, делам. Говорил о Руанской резне, о поведении временного правительства, о нищете масс. Рабочие слушали его с затаенным дыханием, а буржуазные и мелкобуржуазные демократы с ненавистью и страхом. Они прерывали его речь требованием не уклоняться от польского вопроса. Напомнив, что уже три месяца народ го-

лодает, и выдвинув лозунг работы безработным, Бланки под влиянием враждебных выкриков и перерывов вынужден был закончить речь Польшей, хотя ему этого явно не хотелось.

После того он стушевался и оставался простым зрителем всего происходившего. Он видел все сумбурные сцены, видел, что ни толпа, частью выходившая и частью вновь наполнявшая зал заседания Учредительного собрания, ни ораторы разных партий, в сущности, сами не знают, чего они хотят. Барбес, демонстративно ушедший из зала во время речи Бланки, вернулся и произнес полную крикливо революционных фраз речь, требуя немедленного вооруженного вмешательства в помощь Польше и миллиардного обложения богачей. Вдруг с улицы в зал собрания врываются звуки барабана, созывающего Национальную гвардию. Началось общее смятение. На трибуну вскакивает старый заговорщик Гюбер, один из участников неудачного побега из тюрьмы Мон Сен Мишель. Высокого роста, с большой рыжей бородой и громовым голосом, могущим покрыть гул толпы, он производил сильное впечатление на массы. Но и прошлое и особенно настоящее этого демагога было явно подозрительным. Он находился, как выяснилось впоследствии, в каких-то тайных сношениях с буржуазными демократами и особенно с Ледрю Ролленом и с полицией, и его выступление, по всей вероятности, носило провокаторский характер. Он объявил Учредительное собрание распущенным и предложил избрать новое временное правительство. В общем хаосе, сумбуре и смятении выкрикивались имена социалистов и мелкобуржуазных демократов. По рукам ходил и социалистический список будущего временного правительства, где было и имя Бланки. Но Бланки видел, что его худшие опасения оправдались, что движение несерьезно, что оно превращается в комедию, которая тем не менее для многих окончится печально.

Поэтому, когда сильно поредевшая толпа двинулась в ратушу за Альбером и Барбесом, который в этот день снова поддался революционной фразе (его тщеславие было польщено тем, что в последний момент именно он оказался вождем движения), — Бланки понял, что ему

Каземат в Венсене.

здесь больше делать нечего, отстал от толпы и отправился к одному из своих знакомых депутатов.

И, действительно, в ратуше образовалось было новое революционное правительство, и Барбес приступил даже к составлению декретов; но оно никем не было поддержано, и прибывшая туда Национальная гвардия под предводительством Ламартина и Ледрю Роллена арестовала всех, кого могла захватить, в том числе сдавшихся без сопротивления Барбеса и Альбера. Начались массовые аресты. Арестован был впопыхах и

Гюбер, но его очень скоро освободили. Реакционному бешенству буржуазии не было пределов. Она хотела даже ворваться в Венсенскую крепость под Парижем, куда были помещены арестованные, чтобы растерзать Барбеса.

Бланки был арестован только 26 мая и тоже посажен в Венсен. Там заключенные, в томительном ожидании суда, видели, как обнаглевшая после своей победы буржуазия сознательно толкает пролетариат на восстание, чтоб потопить его в крови. Они пережили и грозное июньское восстание рабочих, во время которого до них доносились из Парижа стрельба и канонада, и наступившую реакцию, и избрание авантюриста Бонапарта президентом французской республики.

Только 7 марта 1849 г. специально созданный верховный суд собрался в провинциальном городе Бурже, вдали от парижских рабочих, чтоб судить обвиняемых по делу 15 мая, привезенных из одиночек Венсенской тюрьмы. На суде они впервые встретились друг с другом после шумных месяцев революции. Обвиняемых было 20 человек, часть из них, в том числе Луи Блан, бежали и судились заочно. Все обвиняемые держались мужественно и с достоинством и как бы поменялись ролями со своими судьями, не столько защищаясь, сколько нападая. Барбес по обыкновению, отчасти из гордости, отчасти из тщеславия, брал на себя всю ответственность, причем выходило так, будто он решил участвовать в манифестации только для того, чтоб Бланки не предоставить чести быть ее единственным вождем.

Бланки по общему признанию был великолепен на суде и произвел сильнейшее впечатление даже на своих злейших врагов. Спокойствие и в то же время горячность, сокрушающая критика обвинителей и всего буржуазного общества, едкое и язвительное остроумие по адресу свидетелей и судей, все било и поражало противников.

«Моя речь, — говорил между прочим Бланки, — это не адвокатский прием, так как я никого здесь не признаю судьями. Со своей речью я обращаюсь только к нации, чтоб обличить обман и показать всю несправед-

ливость суда... Придет день, когда заблуждения рассеются, восторжествует правда, и если этот радостный день застанет меня в тюремной камере, — пусть так: он найдет меня в обычном жилище, которое я мало покидал за последние 12 лет. Торжествующая революция вырвала меня оттуда на мгновенье, а изменники и душители революции снова толкают меня за тюремную решетку». Характеризуя гнилость, алчность, продажность и насилия буржуазного общества, Бланки попутно высказал наивную и утопическую мысль, что если б в один прекрасный день выгнать со всех правительственных и бюрократических постов хищников и насильников, то продажность заменилась бы честностью, и тогда «бескорыстие стало бы так же заразительно, как теперь подкупность». Что касается своей роли в манифестации, то Бланки заявил, что предвидел ее печальный конец, понимал, что она станет орудием интриг авантюристов вроде агентов Наполеона, но должен был подчиниться стихии. «Да, — добавил он, — я, действительно, против своей воли, пожимая плечами, шел в палату. Но речь свою я произнес совершенно сознательно, по доброй воле. Политический деятель не должен никогда теряться. Войдя на трибуну, я владел собою и не думал, что надо говорить глупости, раз одна глупость была сделана». Наконец, по поводу обвинения, будто он и его товарищи хотели разогнать палату, Бланки сказал: «Мы не стали бы тогда разговаривать три часа в палате, которую надо разогнать», после чего он в качестве специалиста и знатока рассказал судьям, как он поступил бы, если бы хотел разогнать Учредительное собрание.

Последний день суда, 2 апреля, был омрачен столкновением — перед лицом злорадных врагов — двух главных обвиняемых. В своем последнем слове, припоминая свою деятельность и травлю, которой он подвергался, Бланки упомянул о Барбесе как о своем бывшем товарище. Тот вскочил и запретил Бланки называть его имя. Раздраженный Бланки не обошел молчанием и «документ Ташеро», заявляя, что он сфабрикован во временном правительстве. После того председатель нарочно предоставил слово Барбесу, который проявил всю свою

классовую ненависть и мелкую личную злобу по отношению к Бланки. Он резко напал на него, подверг его оскорблениям, сказал, что он верит в его предательство и т. д. Друг Бланки, рабочий Флотт, стал его стыдить, но Барбес совершенно вышел из себя. Бланки же вполне овладел собою и ответил Барбесу со спокойной силой и достоинством.

В душе Бланки эта тягостная сцена оставила глубокий след и увеличила его пессимизм по отношеию к людям, вынесенный из долгого жизненного опыта и особенно выросший после истории с «документом Ташеро».

Приговор суда был ярким выражением буржуазной мстительности. Барбес, как депутат, и некоторые другие получили ссылку в крепость; Бланки — 10 лет одиночного тюремного заключения.

Главной заслугой Бланки в первые месяцы Февральской революции является его непримиримая борьба с оппортунистическим предательством Луи Блана, обманывавшего рабочий класс своим участием в буржуазном правительстве и выступавшего против углубления революции. Но Бланки и тут не умел широко связаться с рабочими массами. Он не верил в силу организованного массового движения и все свои надежды возлагал на инициативное меньшинство революционеров, только будто бы и способных совершить революционный переворот. Однако Бланки представлял собою лучшее, что дало рабочее движение во Франции в тот период. За это и ценил его Маркс, называя его подлинным представителем партии пролетариата во Франции во время революции 1848 г.

Приговоренных к тюремному заключению отправили в провинциальную тюрьму в северный городок Дуллан, а приговоренных к ссылке — в крепостную тюрьму в Белль Иль (Прекрасный остров), возле северо-западных берегов Франции. В Дуллане Бланки пробыл больше полутора лет, много занимался, писал воспоминания и характеристики деятелей 1848 г., а также ряд статей по разным вопросам. Отправляя Бланки в тюрьму, что

считалось более строгим наказанием, чем ссылка в крепость, правительство надеялось, что состояние его здоровья не выдержит тюремного заключения, и Бланки вскоре же зачахнет. Но его закаленная в тюрьмах натура и правильный, размеренный образ жизни, руководимый твердой волей, сохранили его не только в этой тюрьме, но и во многих следующих тюрьмах.

Видя, что избавиться от Бланки не так легко, правительство решило перевести его на тот же Прекрасный остров, где были заключены многие революционеры и в том числе злейшие враги Бланки — Барбес и его сторонники. В этом было несомненно сознательное желание к физическим страданиям ненавистного и опасного пленника присоединить еще страдания моральные.

В тюремной карете перевезли Бланки через ряд городов, городков и деревень в новое место заключения, куда он прибыл уже в ноябре 1850 г., на третий год республики, и где ему предстояло пробыть ряд долгих, томительных лет.

После 3 месяцев, проведенных в одиночестве в одной из камер старой крепостной тюрьмы, Бланки был водворен в общую тюрьму, где было уже около 600 арестантов и где они пользовались довольно свободным режимом. Заключенные имели общую прогулку на большом лугу внутри крепости, они были заключены в отдельные камеры, но в определенные часы эти камеры оставались открытыми, и заключенные могли свободно ходить друг к другу, устраивать собрания, читать лекции и т. п. Иногда они пели революционные песни, выкидывали на прогулках красный флаг и создавали себе иллюзию жизни.

Но бывали моменты, когда дисциплина усиливалась, или же грубые надзиратели провоцировали арестантов, и тогда вспыхивали обычные тюремные «бунты», сопровождавшиеся жестокими усмирениями, карцером и т. д.

Состав тюремного населения был довольно пестрый. Наряду с видными деятелями и борцами 1848 г. и их сторонниками было множество низких и темных личностей, были также предатели и доносчики. Смешанная толпа заключенных первые годы была еще целиком

под впечатлением бурных событий революции; они делились на те же партии и кружки, что и на воле, кипели, волновались, страстно спорили и ссорились.

Бланки здесь ждали, одни с нетерпением и любопытством, другие со злобой. Его поведение и «документ Ташеро» обсуждались на все лады еще до его прибытия. Сторонники Барбеса собирались даже встретить его враждебной демонстрацией, но вид этого маленького, изможденного, седого и в то же время такого спокойного, полного достоинства человека обезоружил их, и демонстрация не состоялась. Бланки же в свою очередь решил с самого начала выяснить свои отношения с Барбесом и через посредников предложил ему публичный диспут, нечто вроде словесного поединка. Бланки, как он сам говорил, хотел «сорвать маску» с Барбеса и «показать завистливого аристократа, случайно попавшего в демократический лагерь». Барбес от такого поединка отказался и через своих приверженцев продолжал травлю Бланки; ему давали клички: «изменник, маленький диктатор, полицейский агент», даже «претендент в Наполеоны».

Рабочие, которым Бланки читал лекции по политической экономии, возмущались этой травлей и говорили о свите Барбеса: «Эти буржуа преследуют наших людей, которые их беспокоят и от которых они хотят отделаться». Защита со стороны революционеров-рабочих против буржуазной интеллигенции и всяких подозрительных субъектов в конце концов и гарантировала Бланки относительный покой и безопасность в тюрьме.

Он занимался огородничеством, любил одинокие прогулки, но больше всего времени отдавал чтению и писанию.

Бланки поглотил в тюрьме огромное количество книг по самым различным отраслям знания, книг, которые доставляли ему родные и немногочисленные личные друзья. Кроме того, он получал правительственную газету и мог хоть отчасти следить за политическими событиями. В своих письмах он обнаруживал нередко огромную проницательность и давал правильную оценку современного положения. Но, кроме писем, он на-

писал и ряд журнальных статей и самостоятельных работ, причем некоторые из них так и не увидели света.

Эта сосредоточенная и разносторонняя умственная деятельность поддерживала в Бланки душевное равновесие, спокойствие и бодрость; но она не могла заставить его примириться с мыслью о стольких годах заключения, которые еще предстояло пережить. С самых первых лет заключения Бланки стал думать о побеге. Вместе со своим соседом по камере, умным и живым студентом медиком Казаваном, с которым Бланки очень годружился, он стал изучать карты окружающей местности и строить разные планы.

И на этот раз, как в тюрьме Мон Сен Мишель, на помощь Бланки явилась мать, уже семидесятипятилетняя старуха, но сохранившая всю свою энергию и упорство. В конце 1852 г. она приехала на свидание к Бланки и привезла ему его сына, пятнадцатилетнего мальчика, воспитывавшегося у родных матери, в чуждой и враждебной Бланки атмосфере.

Мать Бланки сама обследовала окрестности тюрьмы во всех направлениях и выяснила, что если только выбраться из нее, то можно найти рыбака, который свезет с острова на берег. Тогда Бланки и Казаван предприняли медленную, систематическую упорную работу «воспитания» тюремных надзирателей. Они понемногу приучили их к тому, что, когда при вечерней поверке отворялась дверь их камер и их окликали по фамилии, они не отзывались и даже не оборачивались и продолжали сидеть, согнувшись над столом, погруженные в занятия, причем Бланки носил большую соломенную шляпу, закрывавшую его лицо.

И вот весной 1853 г., запасшись во время свиданий достаточной суммой денег и сделав все нужные приготовления, они нарядили в свои платья чучела из подушек, посадили их в обычном положении спиной к двери, а сами во время прогулки незаметно спрятались в грядах гороха. Поверка прошла, как всегда, надзиратели, привыкшие к странностям Бланки и Казавана и их неподвижным фигурам, ничего не заметили. Тогда наши беглецы с большими трудностями перебрались

через крепостную стену и направились в рыбацкий поселок, вынужденные отвечать по дороге на расспросы любопытных. Им предложил услуги молодой моряк, который им показался настолько симпатичным, что они ему открыли, кто они. На море была буря, и они остались ждать утра на чердаке рыбацкой избы.

Но «симпатичный» моряк оказался предателем и донес в тюрьму. На утро к тому домику, где скрывались беглецы, явилась толпа надзирателей в сопровождении полицейских. Беглецов буквально сбросили с чердака, толкали их и грубо издевались над ними. Когда у них нашли деньги, это вызвало замечание: «Они достаточно грабили Францию в 1848 г.». «Связанных до крови, их доставили в тюрьму, где уже распространилась весть о побеге и где непримиримые враги Бланки пытались доказать, что побег фиктивный, т. е. поддельный, что начальство нарочно выпустило Бланки как бывшего предателя. Появление беглецов, измученных, связанных, покрытых грязью, но не сломленных морально, заставило замолчать клеветников.

Бланки и Казаван целый месяц провели в отвратительном тюремном карцере на хлебе и воде. Но и тут Бланки сохранил всю свою силу воли и ясность духа. Он сам писал по поводу своего побега: «Терпение необходимо всегда, но покорность — никогда». Его высокий духовный облик особенно выделялся на фоне остальной массы заключенных, которые явно разлагались нравственно. Осенью 1853 г., т. е. через полгода после побега, Бланки писал о них: «У нас не существует больше тюрьмы политических заключенных. Осталась только жалкая толпа людей, ждущих с нетерпением, когда из Парижа придет помилование. Непреклонные составляют незначительное меньшинство».

И, действительно, в это время реакционный режим Наполеона III укрепился уже настолько, что он мог позволить себе роскошь «помилований». Уже осенью 1854 г., когда началась война Франции с Россией, так называемая Крымская война, император Наполеон помиловал Барбеса за патриотическое письмо, которое тот написал писательнице Жорж Занд. Правда, Барбес отказался принять помилование, а когда его насильно

выгнали из тюрьмы, он явился в Париж, написал протестующее письмо в газеты и предлагал правительству снова арестовать себя и лишь после того отправился в добровольное изгнание за границу, где жил мирной и спокойной жизнью богатого эмигранта и умер летом 1870 г.

Не такова была судьба Бланки. Он испил свою чашу до дна. После отъезда Барбеса враждебные страсти улеглись, в тюрьме установились более нормальные отношения, и жизнь Бланки протекала однообразно среди непрерывного умственного труда. Наконец, в 1857 г. в положении Бланки произошла резкая перемена: его вместе с несколькими товарищами перевезли на остров Корсику и поместили в одну из тамошних тюрем. Но это отнюдь не было улучшением. Только во время морского путешествия Бланки чувствовал себя прекрасно и окреп здоровьем. Самая же тюрьма была отвратительной и сырой настолько, что зимой вода буквально лилась со стен. Эту тюрьму еще в 1840 г. ревизовавший ее брат Бланки — Адольф назвал оскорблением человечества.

2 апреля 1859 г. окончилось десятилетнее тюремное заключение Бланки. Но и тут его не освободили, а отправили в ссылку в Африку. И лишь всеобщая политическая амнистия в августе того же года дала ему полную свободу.

IV. БЛАНКИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ.

Итак, после одиннадцати с лишним лет тюрьмы Бланки снова на свободе в Париже! Но как отличается этот момент от февраля 1848 г.! Как поредели ряды его близких и друзей, какая душная политическая атмосфера встретила его в Париже!

В 1854 г. умер его брат Адольф, с которым он давно порвал всякие сношения, но который всегда вызывал в нем самые теплые воспоминания детства и юности. Другой брат, рабочий Густав Анри, умер в 1856 г. в ссылке в далекой Кайенне, этой каторжной колонии в Ю. Америке. Наконец, за год до освобождения Бланки умерла и его мать, которая перед смертью проявила еще раз свою капризную и деспотическую натуру: по ее настоянию были сожжены все рукописи Бланки, написанные в тюрьмах, тайно переданные во время свиданий и хранившиеся у родных. Этот поступок страшно огорчил Бланки, который долго не мог простить его матери.

Ко времени возвращения его в Париж его сыну было уже 24 года, но, как и опасался всегда Бланки, воспитанный в затхлой буржуазной семье, сын был потерян для него. Между ними не было ничего общего. Состоятельный собственник, тупой и ограниченный, этот молодой человек настолько не понимал своего отца-революционера, настолько был чужд ему по всему своему духовному облику, что предложил отцу гостеприимство в своем имении, под условием отказа от политической деятельности. Бланки решил, что сын для него не существует больше, как

некогда перестал существовать любимый старший брат.

Из всей семьи Бланки остались лишь сестры, по-прежнему нежно любившие и даже боготворившие его, старавшиеся всячески облегчить ему жизнь. На их средства, если не считать случайных и скудных литературных заработков, и жил в сущности Бланки, сохранивший, впрочем, суровые спартанские привычки своей молодости и тративший на свои личные потребности до смешного мало.

И вот этот суровый и непреклонный революционер-аскет попал в Париж в период расцвета Второй империи, которая справляла теперь свои наиболее пышные оргии, которая считалась одним из самых могущественных государств в Европе, а внутри страны поощряла бурно развивавшийся капитализм. Неслыханный разврат всего «высшего» общества, духовенство и иезуиты в роли воспитателей юношества, наглая и циничная бюрократия, покорное и продажное Законодательное собрание, с жалкой и робкой оппозицией, спекулятивная горячка на бирже, крестьянство, ничем кроме своей земли не интересующееся и, наконец, рабочий класс, обескровленный, обезглавленный, лишенный всех своих вождей в июне 1848 г., рабочий класс, который правительство хочет задобрить и развратить мнимыми подачками, взамен лишения политических прав, — вот та обстановка, так ярко впоследствии описанная в романах Золя, которую застал Бланки. И во главе всего этого царства наживы и разврата гордо стоял бывший жалкий авантюрист и клятвопреступник Наполеон III, перед которым уже заискивали европейские дворы и которого раболепно приветствовала буржуазия самой Франции.

Но и в этом тлетворном режиме уже пробивались ростки новой жизни. Развивавшийся капитализм увеличивал число городских рабочих и неизбежно приводил их к борьбе за улучшение своего положения. Разочаровавшись в революции 1848 г., которая им не дала ничего, и не имея своей революционной партии, рабочие ощупью искали других путей. Многие из них пошли за мелкобуржуазным социалистом Прудоном,

который рекомендовал рабочим не вмешиваться в политическую борьбу, а заняться взаимопомощью, организацией взаимного кредита и т. п. Пользуясь законом, разрешавшим устраивать небольшие кассы взаимопомощи, рабочие под видом этих невинных касс закладывали основы профессиональных союзов. Наконец, кое-где началось и стачечное движение, которое правительство пыталось разгромить. На металлургический завод в Крезо, где работало около 10 тысяч рабочих, в ответ на стачку рабочих правительство послало войска. В период 1853—1859 гг. по официальным данным было 749 судебных процессов о стачках.

Все это было лишь в зародыше и стало быстро развиваться только с начала 60-х годов. Амнистия 1859 г. и некоторые ослабления реакционного режима в области печати, собраний и т. д. внесли значительное политическое оживление и в то же время вернули Франции множество старых борцов. Признаки решительной оппозиции бонапартизму, общественному разврату, полицейскому произволу и католической реакции стала проявлять интеллигентная молодежь, молодые писатели, ученые, журналисты и особенно студенчество, к которому примыкали отдельные наиболее сознательные и энергичные рабочие, — как представители нового поколения, так и, главным образом, вернувшиеся из ссылки деятели 1848 г. Они не могли удовлетвориться жалкой либеральной оппозицией в палате и печати, равно как и рабочей «взаимопомощью» и мечтали о радикальной революции, которая, вместе с режимом самовластья и произвола, покончит и с царством капиталистической наживы и разврата. Для этих студенческих и рабочих групп почти легендарное имя Бланки должно было естественно сделаться символом и знаменем.

Первое время после своего возвращения в Париж Бланки чувствовал себя крайне одиноким и был как бы подавлен впечатлениями всей чуждой и враждебной ему обстановки. К обычной замкнутости многолетнего узника присоединился все растущий у Бланки пессимизм и недоверие к людям под впечатлением еще незаживщей раны от дела Ташеро. Наконец, бдитель-

ный надзор полиции, которая буквально не спускала глаз с вернувшихся революционеров, а особенно с ненавистного Бланки, и только ждала малейшего повода, чтобы снова упрятать его в тюрьму, — все это вместе взятое делало Бланки нелюдимым, подозрительным, замкнутым и осторожным.

Тем не менее в обстановке торжествующего капитала и под шум патриотического барабанного боя «военной славы» Второй империи Бланки все же угадал, почувствовал зарождение новых революционных сил и при всей своей недоверчивости и замкнутости стал сближаться с представителями революционной молодежи из среды мелкобуржуазной интеллигенции и рабочих. Они смотрели на него с глубоким уважением, как на человека, который сохранил живой огонь души после всех перенесенных страданий и соединял в себе мудрый опыт закаленного в боях революционера с энергией и пылкостью рвущегося в бой юноши. Они называли его между собою ласково-фамильярным именем «Старик», а сами себе присвоили кличку «бланкистов». Из них вышли такие известные впоследствии бланкисты, как Вайян, Тридон, Эд и др.

Но как только эти группы от слов стали переходить к делу, как только, вместо обсуждения в тесном кругу планов будущей революции, они занялись изданием и распространением революционных листков и брошюр, обеспокоенная этим давно небывалым явлением полиция решила, что надо прежде всего избавиться от Бланки. Уже весной 1861 г. был дан приказ арестовать его и предать суду. Но он уже скрывался, и вся полиция, все сыщики были подняты на ноги, чтобы схватить опасного революционера. Один раз его чуть не нашли у сестры, подвергшейся облаве; его едва успели спрятать у соседки под перинами. Наконец, Бланки был арестован на улице и предан суду вместе с одним художником и тремя рабочими: литографом, наборщиком и сапожником. Хотя никаких прямых улик против Бланки не было, тем не менее 14 июня 1861 г. он был приговорен к четырем годам тюрьмы и водворен в знаменитую парижскую тюрьму Сент Пеляжи (св. Пе-

лагеи), где он уже сидел дважды во времена своей молодости в 30-х годах.

По поводу этого позорного процесса Маркс поднял энергичный протест в европейской печати, за что узнавший об этом в тюрьме Бланки выразил ему через общих друзей живейшую благодарность.

Тюрьма эта имела свои традиции. В ней политические арестанты, в большинстве журналисты, писатели, студенты и отчасти рабочие, были отделены от уголовных и содержались в особом корпусе, где господствовал довольно свободный режим. Заключенные ходили друг к другу, вместе гуляли, пищу могли получать с воли на собственные средства и свидания с посетителями имели в своих камерах, без присутствия стражи. Когда Бланки попал в Сент Пеляжи, в ней было много политических деятелей и редакторов газет, осужденных за литературные «преступления», писателей и рабочих. Число рабочих все росло, их иногда приводили целыми толпами за участие в тайных обществах и революционную деятельность. Это разнообразное и постоянно пополнявшееся общество и легкость сношений с внешним миром делали тюремное заключение менее тягостным, а самих заключенных менее оторванными от жизни, давали даже им некоторую возможность продолжать свою политическую и литературную деятельность.

Впрочем, Бланки, наученный горьким опытом, попрежнему ставался замкнутым и крайне неохотно сближался с новыми людьми, для которых он был предметом любопытства. Он и здесь продолжал свой гигиенический образ жизни, питался исключительно вегетарианской пищей, главным образом, молоком и чечевицей, спал круглый год при открытом окне и т. д. Многие считали его чудаком, гордецом и не любили его. Зато те немногие, которым он доверял и с которыми он сходился, оставались от него в восторге и становились его поклонниками. Молодежи нравилась его беспощадная критика либеральной оппозиции, его резкая постановка общественных вопросов, его преклонение пред наукой и ненависть к религии и жрецам. Среди этой молодежи был одно время и П. Лафарг,

будущий вождь французского марксизма и зять Маркса. Он впоследствии писал, что группа интеллигентной молодежи, питавшая до тех пор лишь неопределенно-оппозиционные настроения, «в Сент Пеляжи нашла, к счастью, революционера, Бланки. Это он нас переменил; он всех нас испортил», и реакционная печать, говорит он, была права, упрекая правительство за такую оплошность, как помещение Бланки в одной тюрьме с молодежью.

Сознание умственного превосходства и самоуверенность, которые в значительной мере следует приписать не только характеру Бланки и его довольно обширным, хотя и бессистемным познаниям, но и долгим годам одиночного заключения, приводили к тому результату, что у него почти не было р а в н ы х ему друзей, а были лишь враги или преданные поклонники. Его манера спорить, едкая ирония, с которой он разбирал аргументы противника, отталкивали самолюбивых людей. Этим объясняются многие случаи охлаждения между Бланки и его возможными союзниками и единомышленниками. Но, как мы уже видели во время манифестации 15 мая и как увидим в дальнейшем, всякий раз, как члены революционной организации, во главе которой был Бланки, категорически настаивали на каком-нибудь шаге, Бланки подчинялся этому решению, хотя и против воли и, раз подчинившись, проводил его мужественно и до конца.

Угловатые черты характера Бланки особенно резко давали себя чувствовать в тюрьме, почему у него не было много друзей. Зато те рабочие, которым приходилось подпасть под его влияние, относились к нему с глубоким уважением.

Кроме бесед с немногими своими молодыми друзьями, товарищами по заключению и приходящими на свидания, Бланки, как всегда в тюрьме, много читал и писал. Он с увлечением также предавался игре в шахматы, за которыми в глубоком молчании просиживал иногда целые часы.

Время от времени его мучили болезни, и значительную часть своего заключения ему пришлось провести в тюремной больнице. На третий год заключения со-

стояние его здоровья ухудшилось настолько, что его пришлось перевести весной 1864 г. в частную больницу, куда, под видом больного, поместили также в соседнюю палату для надзора за Бланки — агента тайной полиции. В больнице жизнь Бланки была более спокойная и менее нервно-возбужденная, чем в тюрьме. Два раза в неделю навещали Бланки сестры, старый товарищ по прежней тюрьме и по побегу Казаван и немногие друзья, оставшиеся на свободе.

Пользуясь этими благоприятными обстоятельствами, Бланки задумал из тюрьмы издание и редактирование собственного еженедельного журнала. Журнал был разрешен под тем условием, чтобы он совершенно не касался политики и был посвящен, главным образом, отвлеченным вопросам философии и нравственности, историческим исследованиям и критике религии.

Бланки поместил в этом журнале ряд статей о нравственности и религии, в которых подвергал резкой и ядовитой критике христианские идеалы и религию единобожия как наиболее враждебную свободе человеческого духа. Хотя редакторство и авторство Бланки держались втайне от непосвященных, хотя журнал формально редактировался чужим лицом, тем не менее на восьмом номере журнал был закрыт, и его сотрудники поплатились арестами и штрафами.

Между тем, приближался конец заключения Бланки, которому незаконно прибавили еще сто дней. Он справедливо боялся, что по окончании срока, его, как опасного революционера, сошлют административно в Кайенну, что́ наполеоновское правительство практиковало неоднократно. Поэтому Бланки решил не ожидать конца срока и бежать из больницы. Чтобы затруднить поиски и успеть уехать за границу до того, как подымется тревога, Бланки решил снова использовать прием, который когда-то сослужил такую службу ему и Казавану. Он приучил ухаживающих за больными сестер милосердия к тому, что во время разноски ужина его нет в его палате, что он бродит в саду или по коридорам больницы.

Затем в одно из воскресений в конце августа 1865 г. к нему пришли по обыкновению несколько друзей и

привели с собой нового, незнакомого человека, чтобы легче было новым лицом отвлечь внимание привратника. Бланки в его комнатке быстро остригли и обрили, так что он изменился до неузнаваемости, надели на него парик и широкополую шляпу и увели вместе с толпой остальных праздничных посетителей больницы, причем Казаван, стоя на пороге его комнаты, громко и сердечно прощался с уже отсутствовавшим Бланки. Во время ужина его, как всегда, не было на месте, и о побеге догадались только на завтра. А Бланки в тот же вечер сел в поезд и уехал в Бельгию.

Итак, Бланки очутился за границей. Впервые с тех пор, как он стал активным революционером, он был не в тюрьме и не под бдительным оком парижской полиции. И этот период свободы продолжался целых пять с половиной лет, неслыханный в жизни Бланки промежуток между двумя тюрьмами. Но и эту свободу и этот вполне заслуженный отдых Бланки не использовал ни для ознакомления с жизнью Западной Европы, ни для того, чтобы зажить лично спокойной и безопасной жизнью. Он смотрел на свой побег из Парижа лишь как на временную отлучку.

После краткой поездки еще в том же 1865 г. в Женеву, где он наслаждался природой, напоминавшей ему родные горы времен его детства, он засел окончательно в Брюсселе, наиболее близком к Парижу европейском г роде, с тем, чтобы иметь возможность, в случае надобности, тайно приезжать в Париж или, по крайней мере, принимать у себя своих парижских знакомых.

Вся Западная Европа переживала в 60-х годах период большого политического оживления и бурного роста рабочего движения. В Германии образовалась социал-демократическая партия. В Англии оживленно развивалось профессиональное движение. Италия переживала период национального воссоединения и возрождения. В Сев. Америке происходила гражданская война между северными и южными штатами, окончившаяся победой капиталистического Севера и крестьянского Запада над рабовладельческим Югом и уничтожением неволь-

ничества. В России только что было подавлено польское восстание. В самой Бельгии, где поселился Бланки, началось рабочее социалистическое движение. Наконец, всего за год перед тем, в сентябре 1864 г., основано было в Лондоне знаменитое отныне «Международное товарищество рабочих», т. е. I Интернационал.

Но Бланки, повидимому, очень мало интересовался этим движением. В этом сказывалась национальная мелкобуржуазная ограниченность Бланки. Все его помыслы и стремления были направлены к Франции, к любимому Парижу, и он снова мечтал о восстании против императорского режима. Даже Интернационал, на некоторых конгрессах которого (Женевском, Брюссельском) Бланки присутствовал в качестве гостя и о котором он написал две-три заметки, интересовал его лишь с той стороны, что французские секции Интернационала были под влиянием прудонистов. Прудонисты, как мы знаем, отказывались не только от революционного захвата власти, но и от всякой политической борьбы. Они верили в мирную и легальную победу социализма путем рабочей взаимопомощи и организации «дарового кредита», являясь, таким образом, выразителями не интересов пролетариата, а надежд мелких ремесленников.

Бланки же перегибал палку в другую сторону. Он признавал исключительно метод политической революции, после победы которой только и можно будет начать социальные реформы. Экономической борьбы рабочих в рамках данного режима он почти не понимал и в возможность улучшения их положения совершенно не верил, не признавая за профсоюзами их классово-воспитательного значения. Поэтому, встречаясь с прудонистами на конгрессах Интернационала, он пришел в ужас от их приспособленчества, считал, что они развращают французских рабочих, примиряя их с режимом Второй империи, и повел против них энергичную кампанию, особенно усердно поддержанную его сторонниками во Франции.

В борьбе против Прудона и прудонистов, которую вели и Маркс и Бланки, резко проявилось все огромное

различие их теоретических взглядов и их отношения к рабочему классу и рабочему движению. Маркс боролся с прудонизмом, как пролетарский коммунист должен бороться против самого правого крыла мелкобуржуазного, мелкособственнического социализма. Бланки же выступал против Прудона и его учеников, главным образом, как революционный демократ и политический заговорщик. Маркс видел в прудонизме врага, отвлекавшего пролетариат от правильного пути борьбы за социализм. Бланки боролся с прудонизмом, как с течением, отвлекавшим рабочих от политической борьбы против империи Наполеона. Поэтому Бланки стоял в стороне от бурного стачечного движения, охватившего французский пролетариат в конце 60-х годов, равно как и от международного рабочего движения, руководимого I Интернационалом.

Сам Бланки придавал борьбе с прудонистами такую важность, что ради нее, ради укрепления позиции своих сторонников, считал возможным нелегально приезжать в Париж и участвовать на совещаниях своих единомышленников, рискуя попасть в руки полиции. В его глазах, следовательно, пропаганда прудонистов и их влияние среди рабочих были одним из главных препятствий, мешавших подготовке будущего восстания.

А это восстание и было главной целью Бланки. Опять, как в 30-е годы, началась медленная и кропотливая работа по организации тайного заговорщицкого общества, которое, по мысли Бланки, должно было в один из благоприятных моментов воспользоваться все растущим среди интеллигенции и народных масс недовольством и, выйдя на улицу с оружием в руках, стать центром всеобщего восстания.

И вот в конце 60-х годов в Париже учениками Бланки была создана, главным образом из рабочих, боевая организация, насчитывавшая до 2 тыс. человек и разделенная на своеобразные батальоны, роты и т. д. Это была чисто боевая организация, которая совершенно не напоминала политическую партию, потому что она не имела никаких прочных корней ни в рабочем классе вообще, ни в его экономических организациях. Она вербовала своих членов среди отдельных

рабочих-революционеров и не вела никакой широкой агитационно-пропагандистской работы, считая, что вести такую работу, значило обнаружить перед полицией существование этой тайной организации. Для этой своей боевой организации Бланки составил в 1867 г. «Инструкцию к вооруженному восстанию». В этой «Инструкции» выявился весь революционно-боевой опыт Бланки и вся его теория военного искусства революции. Но с другой стороны, хотя «Инструкция», по мысли Бланки, являлась документом военным, а не политическим, — тем не менее в ней ярко отражаются политические взгляды Бланки, со всеми их слабыми сторонами, со всем их утопизмом и идеализмом, со свойственным ему отсутствием четких классовых формулировок.

Ленин, характеризуя взгляды Бланки и его последователей в 60-е годы, писал, что спор между марксизмом и бланкизмом шел о том, «нужна ли вообще рабочая партия, опирающаяся на рабочее движение, классовая партия. Именно это отрицали... бланкисты 60-х годов»[1].

В самом деле, в начале «Инструкции» мы читаем: «Эта программа — всецело военная — нисколько не затрагивает ни политического, ни социального вопроса, которым здесь не место. Само собою разумеется, что революция должна совершиться в пользу труда и против тирании капитала и пересоздать общество на основах справедливости». Здесь в нескольких строках полная теоретическая путаница. Прежде всего, военная программа революции не может не затрагивать политических и социальных вопросов, ибо она может быть только классовой. Ленин в своих статьях, письмах и инструкциях, относящихся к 1905 и к 1917 гг., блестяще умел сочетать технически-боевые вопросы с вопросами классово-политическими. Военная программа революции, да еще революции, которая, «само собою разумеется, должна совершиться в пользу труда и против тирании капитала», не может не быть построенной на

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XV, «О социальной структуре власти», стр. 133.

классовом анализе тех социальных групп, на которые она опирается, равно как и тех, против которых она направлена. А затем, что значит — «пересоздать общество на началах справедливости»? В чем заключаются эти «основы справедливости»? Эта исключительная расплывчатость в формулировке программы восстания вытекает из того, что эта программа рассчитана не только на пролетариат, но и на мелкую буржуазию и интеллигенцию; она стремится привлечь к себе всех мелкобуржуазных республиканцев, ненавидевших не только бонапартовскую монархию, но и выросших при ней новых богачей, аферистов, темных дельцов и спекулянтов. Политический и социальный характер восстания, которое проектировал Бланки, выясняется достаточно четко из того уважения к частной собственности мелкой и средней буржуазии, которое он проявляет. «Жителям домов, занятых республиканцами, будет предложено удалиться со своими деньгами, всякими ценностями и серебряными вещами и запереть всю мебель». Из этого ясно видно, что здесь имелось в виду восстание городской буржуазной демократии и рабочих, направленное только против бонапартовского режима, а отнюдь не против «тирании капитала и в пользу труда». При этом самое восстание Бланки представлял себе согласно тому плану, который им так неудачно был применен в 1839 и, как мы увидим, в 1870 гг. А именно он полагал, что стоит лишь появиться первому отряду восставших, как к нему начнут охотно присоединяться массы сочувствующих. «Как только граждане сбегутся при виде восстания, выстроить их в боевой порядок, в два ряда». В этом наивном представлении о характере восстания сказывался тот постоянный отрыв Бланки от массового движения, который характерен был для него даже в 1848 г. Вот почему Ленин резко подчеркивал отличие марксистского учения о восстании от бланкистского. «Восстание, чтобы быть успешным, — писал Ленин, — должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во вторых. Восстание должно опираться на такой пе-

реломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма»[1].

В ожидании вооруженного восстания в Париже, Бланки подготовил даже специальную прокламацию к солдатам, в которой писал:

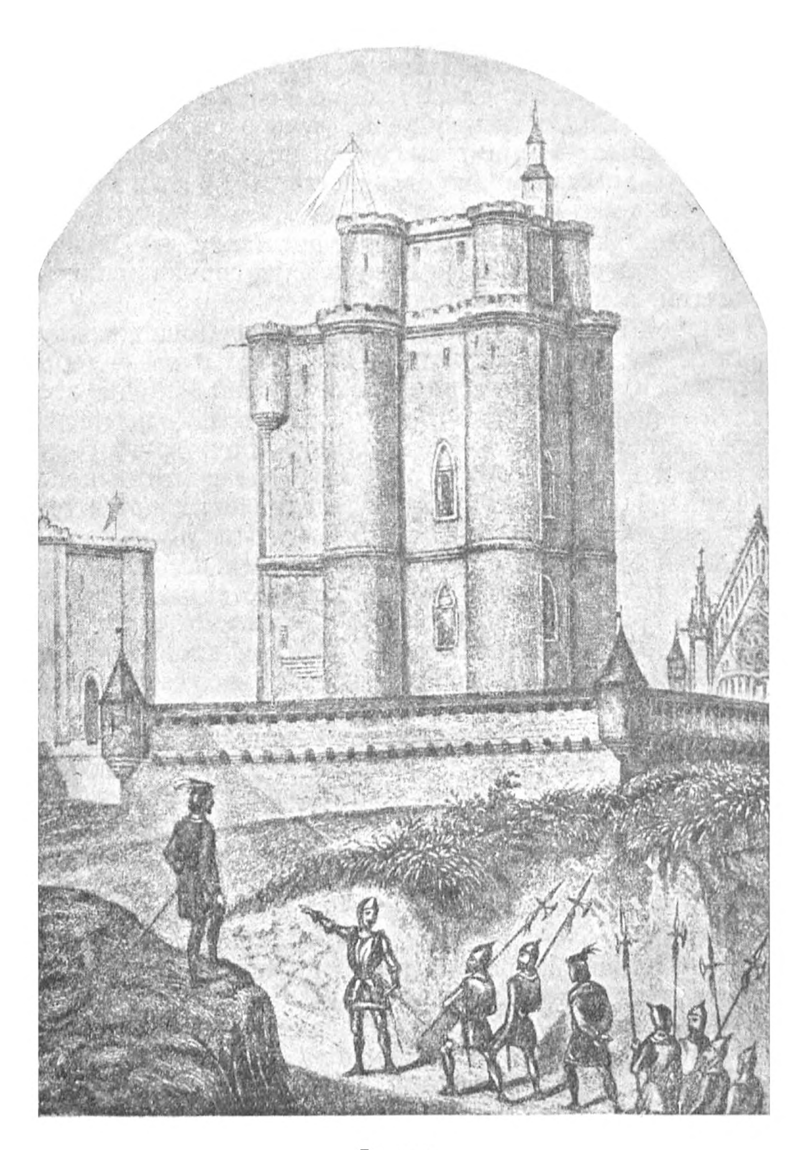
«Народы вас ненавидят, а между тем они жаждут любить вас. Чего они хотят? Того, что и вы — добывать себе пропитание в поле и мастерской. Рабочие всех наций — братья, у них только один враг — притеснители, заставляющие их перерезывать друг другу горла на полях сражений. Что общего у нас с этими позолоченными лентяями, которые не удовлетворяются тем, что живут нашим пóтом, но хотят пить и кровь? Солдаты! Не давайте им одурачивать себя и не будьте их жертвами. Для этих наглецов гибель человека из народа — рабочего или солдата — означает лишь, что одной сволочью стало меньше, — вот и все. Если они вам скомандуют «стреляй», стреляйте по самим этим подлецам... Пожелаете ли вы причинить парижанам страдание тем, что они вынуждены будут стрелять в вас, убивать вас, своих товарищей, в то время как они жаждут протянуть вам руку и крикнуть вам: «Придите! Будем свободны. Вернитесь к своим хижинам, где матери и невесты ожидают вас. Добьемся счастья трудом. Если же короли будут угрожать нам, мы повергнем их в ужас своей готовностью к отпору, в то время как пролетарии всех стран поднимут вслед за нами восстание и раздавят между своими и нашими рядами этих врагов человечества».

«Солдаты! Руку! Да здравствует свобода! Да здравствует мировая республика!»

Готовясь к вооруженному восстанию, Бланки в эту

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XXI, «Марксизм и восстание», стр. 195.

Венсен.

эпоху, т. е. во второй половине 60-х годов окончательно сформулировал свои социально-политические взгляды в ряде статей, которые были опубликованы лишь после его смерти. В этих статьях проявлялись не только непримиримый, боевой, революционный демократизм Бланки, который, главным образом, и ценил в нем Маркс, но также большая теоретическая путаница в вопрсе о характере грядущей социальной революции. По мнению Бланки, задачей такой революции должно быть только уничтожение препятствий к истинному просвещению народа, избавление его от духовенства и капитала. Просвещение и приведет народ к коммунизму. При этом борьбу с невежеством он выдвигает как самоцель, отделяя ее от социальных условий. Далее, если в области политической он выдвигает идею «диктатуры Парижа», которая характерна именно отсутствием четкой классовой формулировки, то в экономической области он проявляет большую осторожность и умеренность. Он заявляет, что «нападение на принцип собственности было бы и бесполезно и опасно» и рекомендует сугубую осторожность по отношению к мелким собственникам и особенно крестьянам.

Но и эта теоретическая работа Бланки была в значительной мере оторвана от заговорщицкой подготовки восстания, где главной задачей считалась вербовка и обучение членов. А так как с ростом числа членов организации росло нетерпение и этих членов и руководителей, то Бланки, наученному горьким опытом своей прошлой революционной деятельности, приходилось тратить много усилий на то, чтоб сдерживать своих пылких последователей, чтоб внушить им должную осторожность и выдержку.

Вербовка тайной боевой организации шла так успешно и так конспиративно, что в 1868—1869 гг. число членов превышало уже 2 тысячи, а наполеоновская полиция, несмотря на аресты и процессы отдельных бланкистов, так до конца и не раскрыла ее существования. На все лады вожди общества обсуждали разные планы восстания. Одни предлагали напасть врасплох на форт Венсен под Парижем (куда в 1848 г. были поса-

жены Бланки и Барбес) и оттуда поднимать революцию в Париже. Сам Бланки советовал для получения оружия начать с захвата одной из казарм и затем пойти обезоруживать солдат и поднимать рабочих. При этом он снова хотел прибегнуть к тому самому приему, который оказался таким неудачным в 1839 г., а именно начать восстание в праздничный день среди мирно гуляющей и ничего не подозревающей публики.

К этому плану Бланки неоднократно возвращался, несмотря на свой опыт и на все основательные возражения своих ближайших помощников. Правда, он основывался на том, что публика времен конца империи была не та, что в 1839 г. Наполеоновский режим явно разлагался. Все преследования полиции не могли остановить или задержать все растущего озлобления. Тайные листки, карикатуры и ввозимые из-за границы антиправительственные брошюры и журналы распространялись почти открыто. Росла оппозиция и в палате и на выборах, и само правительство вынуждено было переменить курс своей политики и возвестить либеральную эру.

Бланки, который первые годы своей эмиграции лишь изредка приезжал во Францию, в особенно важных случаях или в моменты острой тоски по Парижу, теперь, к концу 60-х годов, стал появляться в Париже все чаще и живал там подолгу, по нескольку месяцев подряд. Он жил под чужой фамилией в маленькой комнатке, заваленной книгами и рукописями, и никто, за исключением двух-трех самых близких друзей, не знал его местопребывания. Большинство же членов организации думало, что он живет безвыездно в Брюсселе. Как в Брюсселе, так и в Париже Бланки вел все тот же всегдашний трудовой и размеренный образ жизни, вставал на рассвете, сам вел свое маленькое хозяйство, много читал, думал и писал. Он любил ходить по знакомым улицам этого древнего и вечно юного Парижа, где каждый камень напоминал о прошлых революциях; любил теряться в толпе, среди которой, как он знал, было много его тайных единомышленников, членов созданной им организации. Он колебался между желанием уступить своим товарищам, назначив день вос-

стания, и мучительным раздумьем о его преждевременности, о возможной гибели всего дела, о напрасных жертвах, за которые он считал бы себя ответственным.

Между тем нетерпеливые бланкисты настаивали. Делались попытки завязать сношения в армии, где тоже зрело недовольство среди унтер-офицеров и демократов-офицеров. Создавались и отвергались планы поднять один из полков и захватить не то префектуру полиции, не то ратушу или даже императорский дворец. Бланки чувствовал всю незрелость и даже наивность этих планов, но иногда сам увлекался ими и целые часы проводил в обсуждении их деталей. Был момент, когда казалось, что обстоятельства складываются в высшей степени благоприятно для смелой инициативы. Это было в самом начале 1870 г., когда буквально весь Париж был взволнован и возмущен убийством журналиста Виктора Нуар, совершенным одним из императорских принцев. В день похорон этой жертвы разлагавшегося режима, когда предполагалась огромная демонстрация и неминуемы были столкновения с полицией, и решено было сделать попытку восстания. Сам Бланки должен был признать, что лучший случай вряд ли скоро представится.

В шедшей за гробом толпе собраны были, разбитые на отряды, все 2 тысячи членов организации, и вооруженный Бланки, о присутствии которого они и не подозревали, лично сделал им как бы генеральский смотр и остался доволен. Но, хотя демонстрация была действительно внушительной, хотя в одном месте драка с полицейскими и завязалась,—вид массы солдат, приготовленных на случай беспорядков, не предвещал ничего хорошего. В публике носились слухи о каких-то преступных бандах, о готовящейся бойне, и ряд ораторов, видных деятелей, решительно высказывался против нарушения уличного порядка. Настроение было расхоложено, и сигнал к восстанию дан не был. Энгельс в письме к Марксу от 1 февраля 1870 г. считал попытку восстания в тот момент авантюрой, которая дала бы возможность Наполеону истребить «всю революционную парижскую массу».

Тем не менее правительство Наполеона чувствовало, что назревают серьезные события, что революционное настроение нарастает. И оно прибегло к обычному в таких случаях средству, к отвлечению народного внимания в сторону внешней политики. Поддавшись явной провокации прусского министра Бисмарка, Наполеон летом 1870 г. объявил войну Германии. Воспользовавшись военным положением, полиция произвела огромное количество арестов, и Бланки вынужден был снова скрыться в Бельгию.

Но охватившее массы патриотическое настроение, после первых грозных поражений французской армии, обнаруживших всю гнилость режима, всю развращенность и негодность чиновников и генералов, — это патриотическое настроение очень скоро превратилось в бурный гнев против правительства.

Вспыхивали стихийные демонстрации с враждебными возгласами против полиции и дворцовой охраны. Министерство вышло в отставку. Воздух, казалось, был насыщен революционным электричеством, и руководители тайного бланкистского общества решили действовать. Они срочно вызвали Бланки из Брюсселя, и он немедленно приехал 12 августа, не имея даже паспорта и перейдя границу ночью, пешком.

Началось лихорадочное обсуждение шансов и планов восстания. Бланки проявил на этот раз большую осторожность, он убеждал своих друзей, среди которых был теперь и только что вернувшийся из Америки Флотт, старый боевой товарищ Бланки по 1848 г., — подождать какого-нибудь события, которое наэлектризовало бы толпу. Он боялся искусственной вспышки, которая не встретит отклика. Но весь его штаб решительно протестовал против всякой отсрочки. Бланкисты говорили, что общество распадается от бездеятельности, что полиция чует присутствие Бланки в Париже и в любой момент может его схватить; наконец, что рабочие предместья настроены крайне революционно и ждут лишь сигнала, чтобы подняться.

После горячих споров в течение двух вечеров Бланки сдался и еще раз, как перед 15 мая 1848 г., подчинился настойчивым требованиям своей маленькой ре-

волюционной армии. Он сделал это без особенной охоты, без большой веры в успех предприятия. Но, раз решившись, он уже действовал как прирожденный революционный вождь. Утром 14 августа Бланки явился на собрание своего штаба. От прежней его нерешительности не осталось и следа. Он давал точные и ясные приказания, назначил начало восстания на тот же день и местом его выбрал одно из густо населенных рабочими предместий Парижа, где следовало начать с разоружения казармы.

План Бланки был принят беспрекословно, и штаб разошелся с тем, чтобы к 3 часам собраться на бульваре Виллет вместе со своими отрядами, которые должны были первое время оставаться незаметными среди гуляющей публики. Бланки был на месте одним из первых, чтобы самому командовать: но увы! повстанцев явилось всего около ста человек. Тем не менее с этой кучкой Бланки направился к казарме и, несмотря на поднятую тревогу, на случайный револьверный выстрел, вошел во двор, стал грудью против ряда штыков и начал произносить горячую речь к солдатам, убеждая их присоединиться к восставшим, объявить республику и после того все силы направить против внешнего врага. Между тем на улице уже шла перестрелка с группой полицейских: один из них был убит, другие ранены, остальные убежали за подмогой. Появился офицер, которого Бланки стал тоже уговаривать перейти на сторону народа, но безуспешно. Тогда он сразу решил, что дело проиграно и что нужно, пока не поздно, спасать своих товарищей, спасать организацию.

И, действительно, как в мае 1839 г., смелая попытка кучки повстанцев не только не подняла населения, но вызвала в нем панику. Бульвар моментально опустел, и горсточка вооруженных бланкистов, пробегая с криками: «Да здравствует республика!» «Смерть пруссакам!» и т. п., еще больше отпугивала праздничную толпу, которая лишь после их ухода снова заполнила бульвар. Бланки дал приказ своему боевому отряду разойтись, пока не явилась полиция и войско, против которых его отряд, вооруженный почти исключительно

револьверами и кинжалами, оказался бы совершенно бессильным.

Все это продолжалось очень недолго. Бланки в этот день проявил и личное мужество, и огромное самообладание и решительность. Он своими действиями как бы подтвердил сказанное им на суде в 1849 г., что «политический деятель не должен никогда теряться». Но несвоевременно поднятое восстание не опиралось на массы и было заранее обречено на неудачу.

Благодаря энергии и хладнокровию Бланки, все члены его боевого отряда, за исключением двух арестованных позже совершенно случайно, спаслись. Пострадала, словно в наказание за трусость, та самая мирная толпа, которая убежала от революционеров и собралась снова перед приходом полиции. Полиция, нагрянувшая тотчас после того, как отряд Бланки успел скрыться, обрушилась на мирную толпу, стала избивать и арестовывать ни в чем неповинных обывателей. Мало того, пустили слух, что все дело затеяли прусские шпионы, и многие этому верили. Полиция, впрочем, догадалась, что здесь дело не обошлось без Бланки, и усиленно его разыскивала, но напрасно. Бланки скрывался у сочувствовавших ему и находившихся вне подозрения полиции людей.

В конце августа захваченных на бульваре Виллет и двух арестованных действительных участников заговора (в том числе Эда, одного из ближайших сообщников Бланки, на квартире которого он проводил часто целые дни) судил военный суд и приговорил обоих бланкистов и еще четырех совершенно посторонних прохожих — к смертной казни, нескольких к десятилетней каторге, остальных к тюрьме. Начались хлопоты о спасении жизни невинных людей. За это взялись виднейшие писатели и общественные деятели, которым сообщили о действительном характере события. Но пока продолжались хлопоты, 2 сентября произошло страшное поражение французской армии при Седане, император вместе со всей армией сдался в плен германским войскам. Империя рухнула. 4 сентября в Париже объявлена была республика.

V. ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА И ТРЕТЬЯ РЕСПУБЛИКА.

Переворот 4 сентября лишний раз должен был показать Бланки, что революции не вызываются искусственно в любой момент, а подготовляются естественно, нарастанием и обострением классовой борьбы. Еще накануне этого дня все попытки революционных манифестаций легко рассеивались полицией, которая не стеснялась убивать безоружных людей. А 4 сентября под напором восставших масс гнилое здание империи распалось без всякого сопротивления. Но этот урок не предохранил Бланки от другой ошибки, от чрезмерно доверчивого отношения к новой республике. Вчера еще непримиримый революционер при империи, Бланки сегодня стал безоговорочным сторонником нового республиканского правительства, состоявшего из представителей бывшей парламентской оппозиции. Между тем, хотя империя рухнула, но оставался на местах весь бонапартовский административный аппарат, насквозь развращенный и прогнивший. А во главе правительства стали те самые люди, которых Бланки так проницательно и беспощадно разоблачал с самого начала 60-х годов и от которых он предостерегал французский народ, ибо некоторых из них он знал еще с 1848 г.

Что же вызвало этот резкий поворот в настроении Бланки? Война, которая превратила Бланки в пламенного патриота и заставила его принять оборонческую позицию со всеми ее последствиями. Как только пало правительство Наполеона III, которое Бланки считал врагом народа, пред ним был лишь один враг: прус-

саки, и перед этим врагом должны были на время смолкнуть все «раздоры», классовая и политическая борьба должна была уступить место всеобщему единению против неприятеля. Маркс в это время предлагал французским социалистам в первую голову использовать республику для организации рабочего класса. Бланки же отрицал всякую оппозицию против буржуазного правительства и выдвигал только один лозунг: «Все для войны!»

Здесь снова сказалась противоположность взглядов Бланки и Маркса. Маркс стоял на интернациональной пролетарской позиции; для него на первом месте стояли задачи международной борьбы пролетариата. Наоборот, Бланки на первое место ставил интересы буржуазной Франции, воображая, что франко-прусская война после свержения Наполеона продолжает революционные войны Французской буржуазной революции конца XVIII в.

В своей статье «Уроки Коммуны» Ленин писал, что идея патриотизма «подчинила себе умы социалистов Коммуны, и Бланки, например, несомненный революционер и горячий сторонник социализма, для своей газеты не нашел более подходящего названия, как буржуазный вопль: *«Отечество в опасности!»*[1]

Эта позиция не случайна для бланкизма. Недаром один из лучших и образованнейших учеников Бланки — Вайян занял во время империалистической войны 1914 г. ярко оборонческую, социал-шовинистскую позицию.

Через три дня после переворота, 7 сентября, вышел первый номер собственной ежедневной газеты Бланки, к торую ему удалось основать впервые в жизни, на 65-м году от рождения. Газета называлась «Отечество в опасности» и выходила три месяца. Этому делу, а также созданному им клубу он предался с чисто юношеской энергией. Он помещал ежедневно одну или даже несколько статей, и эти статьи, изданные еще в 1871 г. отдельной книгой, до сих пор нельзя читать без волнения. В них отражены мучительные переживания Бланки при виде того, как неспособные, бездарные

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XII, стр. 162.

или явно предательские правители республики губят и страну и республику, не слушая его предусмотрительных, подчас поистине мудрых советов. Бланки начал с выражения полного доверия правительству «национальной обороны», лишь постепенно, под влиянием кричащих фактов, начал в нем разочаровываться, а кончил тем, что проклял его как правительство предателей и изменников, когда уже было поздно и когда, как показал опыт Коммуны, ничем уже нельзя было предотвратить поражения. Читая его статьи, написанные во время осады, мы видим, как под влиянием разочарования и все растущего недоверия с глаз Бланки сходит созданная его бурным и пылким патриотизмом пелена, и к нему возвращается его обычная проницательность и революционная трезвость мысли.

В первом номере газеты было перепечатано выпущенное накануне воззвание за подписью Бланки и восемнадцати его ближайших товарищей. В этом воззвании говорится, что правительство 4 сентября является выразителем республиканской и национальной идеи, и этого достаточно; что революционеры должны отказаться от всякой оппозиции по отношению к нему ввиду задачи спасения Франции. Воззвание оканчивается следующими словами: «Будь проклят тот, кто в этот торжественный момент будет преследовать личные цели и сохранит задние мысли, каковы бы они ни были. Мы, нижеподписавшиеся, оставляя в стороне наши личные мнения, предлагаем наши силы в распоряжение временного правительства, с одним лишь условием — что оно сохранит республику и будет готово скорее погибнуть вместе с нами под развалинами Парижа, чем подписать бесчестие и раздробление Франции».

Увы, эти слова оказались верхом наивности, ибо правительство, особенно в лице иезуита и монархиста Трошю, военного губернатора Парижа, а также гнусного лицемера, прожженного буржуазного адвоката Жюля Фавра, министра иностранных дел, с самого первого дня не верило в возможность успешной защиты и не *хотело* упорного сопротивления; усыпляя народ громкими и хвастливыми фразами о войне до конца, они тайно вступили в переговоды с неприятелем, кото-

рому они охотно сдали бы Париж и еще охотнее отказались бы от республики за сытое и спокойное существование.

Но Бланки верил в их патриотизм и в их преданность республике и в течение первых недель старался помочь им своими советами, старался «раскрыть им глаза» на злоупотребления, которых, как он думал, они не замечали. И в газете и в клубе он изо дня в день звал массы к самопожертвованию, будил в них патриотические порывы, рисовал те ужасы, которые ожидали Францию и Париж в случае победы пруссаков. Он разоблачал эгоизм и жадность буржуазии; указывая на бескорыстный патриотизм бедняков, призывал правительство питать больше доверия к народу. Между прочим он рекомендовал выпустить преступников из тюрем и дать им возможность защитой отечества искупить свои преступления и почувствовать в себе людей и граждан. Вместе с тем Бланки давал ряд указаний непосредственно в области военной обороны, как для укрепления тыла, так и для лучшего ведения операций на фронте. При этом он обнаруживал большое знание дела и глубокую проницательность, лишь впоследствии оцененные по достоинству знатоками, которые говорили, что многие из советов Бланки, осуществленные во время, могли бы оказаться спасительными. Но не до них было бонапартовским генералам, которые легко и беззаботно сдавали врагу армии и крепости, чтобы потом, при усмирении Коммуны, выместить свои неудачи на телах парижских рабочих.

Между прочим, Бланки выбрали командиром батальона Национальной гвардии, и этот хрупкий старик стал добросовестно выполнять свои новые военные обязанности, отрывая для этого время и от литературной работы и от клуба.

Социальными вопросами он первое время почти не интересовался. Когда однажды в клубе один из посетителей предложил при изготовлении оружия организовать общественное производство, вместо использования частных предпринимателей, Бланки возразил, что теперь не время для социальных опытов, хотя бы с целью доказать превосходство общественного, артель-

ного производства над индивидуальным. Но потом, по мере того как росло его критическое отношение к правительству и разочарование, по мере того как исчезала вера в возможность — одним патриотическим порывом объединить все классы, начинают и в газете Бланки звучать социальные нотки и проявляться его социалистические настроения. Так, он требует контроля над запасами продовольствия, говорит, что совместные обеды, над которыми буржуазия всегда издевалась, как над смешной «утопией», под влиянием осады и голода сделались необходимостью.

В другой раз, уже когда газета доживала последние дни, а сам Бланки скрывался, он выступил с блестящей, яркой и полной едкой иронии статьей в защиту бедняков, которым запрещали собирать за стенами Парижа покинутые бежавшими собственниками вещи, овощи в огородах и т. п. «В разгар осады, — писал он, — несмотря на нужду и голод неимущих масс, ваш инстинкт собственности, — с его принципом «мое» и «твое», — налагает запрет на покинутое добро, которое погибнет без пользы, а могло бы спасти несколько жизней. Но пусть лучше гибнут люди, чем будет нарушено право собственности... Горе тебе, безжалостное общество, убивающее великодушие в сердцах народа и сеющее в них чувство мести».

Наконец, уже в самом последнем номере газеты Бланки выступил с обширным, подробно разработанным проектом распределения продуктов в осажденном Париже.

«Париж, — писал он, — несет ответственность за всю Францию. Его сдача повлечет за собой гибель всей страны. Он должен держаться во что бы то ни стало. *Надо прекратить всякие разговоры о свободе торговли*: в настоящее время эти слова являются преступными — они убивают народ. Настал час, когда мы должны с величайшей аккуратностью регулировать потребление наших последних ресурсов.

Необходимы две меры: 1) учет продуктов и 2) равномерное их распределение.

Учет требует, чтобы население, под страхом наказания, указало властям все подлежащие равномерному распределению съестные припасы, после чего должны быть тщательно обследованы все склады и магазины, как общественные, так и частные. Помещения граждан, обвиненных в утайке подлежащего учету продовольствия, должны быть также осмотрены. Виновные в этом преступлении караются штрафом, конфискацией имущества и заключением в тюрьму...

Что подлежит учету и равномерному распределению? 1) Все съестные припасы без каких-либо изъятии,— это разумеется само собой. 2) Всякого рода топливо. 3) Запасы материалов, как-то: тканей, кож и т. п., необходимых для изготовления одежды первой необходимости, а также простыни, одеяла и постельное белье.

Съестные продукты и топливо выдаются всем жителям в одинаковом количестве. Что касается предметов третьей категории, то их должно скупить государство и раздавать наиболее нуждающимся в них гражданам, считаясь, при распределении, с численностью потребителей. Все остальное может быть приобретаемо совершенно свободно... Каждый продовольственный и топливный паек будет продаваться за плату всем гражданам, предпочитающим такой способ получения того, что им полагается. Граждане же, не имеющие денег, будут оплачивать все виды своего довольствия — съестные продукты, топливо и одежду — соответственной работой...

Самое главное — это прокормить население Парижа в последний период осады и сделать, таким образом, возможной борьбу до самого конца. А это мыслимо лишь при условии быстрой организации равномерного распределения между всеми жителями имеющихся в городе запасов продовольствия».

На какое же правительство рассчитывал Бланки, предлагая такие радикальные меры? Конечно, не на то, которое фактически было у власти.

Уже через две недели после основания республики у Бланки стали раскрываться глаза на поведение правительства. «Как жить среди этого мучительного про-

тиворечия, под властью правительства национальной обороны, которое не хочет защищаться?» — восклицал он и требовал назначения военного диктатора. Еще через две недели, после сдачи пруссакам крепостей Страсбурга и Туля, Бланки уже называет вещи своими именами и в сущности осуждает свою собственную наивную и доверчивую политику первых дней: «С 4 сентября правительство своими политическими, административными и военными мерами только компрометировало дело обороны. Оно ведет нас к гибели, а кричат: — Поддержите его! Оно увлекает нас в бездну, а кричат: — Следуйте за ним! Первым актом защиты должно быть отстранение тех, которые делают ее невозможной». Наконец, он дает полную волю своим чувствам, он говорит, что, как и в 1848 г., «палачи Франции и республики разыгрывают роль спасителей отечества, прикрываясь громкими фразами республиканской программы. Действительно, никогда нельзя измерить глубину человеческой подлости».

Имел ли голос Бланки влияние на широкие массы Парижа? Нет, его газетка читалась только его немногочисленными поклонниками, как и клуб его, закрытый уже в конце сентября, посещался немногочисленной публикой. Причин этого отсутствия широкой популярности много. Для одних он был ненавистен, и его или травили или сознательно замалчивали. Широким массам рабочих и мелкой буржуазии, особенно молодому их поколению, он был почти неизвестен. Когда он представился своему батальону как кандидат в командиры, оказалось, что из 1500 человек никто его не знает, и пришлось рассказать его биографию, после чего он был избран единогласно. В этом еще раз сказался тот отрыв Бланки от широких рабочих масс, который являлся следствием его ошибочной заговорщицкой тактики прошлых лет.

С другой стороны, когда он стал резко нападать на правительство и буржуазию, начались столь знакомые ему картины 1848 г.: его стали систематически травить. Несмотря на слабое распространение его газеты, он все-таки казался опасным, так как правительство хо-

рошо знало, как энергично и страстно этот старик умеет бороться. А он ведь не только писал в газете, но и организовал депутацию 72 командиров Национальной гвардии, во главе которой был он сам, и вручил правительству петицию с требованием отложить проектировавшиеся им выборы в Национальное собрание и вести войну до конца.

И вот сперва закрыли его клуб; потом какие-то буржуазные офицеры Национальной гвардии пытались арестовать служащих его газеты; гвардейцы, собранные для охраны правительства, называли немногочисленных враждебных правительству манифестантов разбойниками, ворами, изменниками и пруссаками и кричали: «Долой Бланки!» Наконец, его отстранили от своего батальона, причем предварительно, чтобы сделать его непопулярным среди солдат, ему стали выдавать все необходимое для батальона нарочно с опозданием и самого худшего качества. После чего объявили перевыборы, и он был отставлен. Впрочем, эти преследования сделали имя Бланки известным более широким кругам революционно-настроенных рабочих.

Между тем поражения шли за поражениями, и парижские массы начали глухо волноваться. Сдача сильной крепости Мец и новое предательство Трошю, который оставил без защиты храбрецов, устроивших вылазку из Парижа и изрубленных пруссаками, переполнили чашу. 31 октября произошла стихийная и грандиозная демонстрация, едва не приведшая к революционному перевороту.

Огромные массы народа и национальных гвардейцев двинулись со всех концов Парижа к ратуше, где заседало правительство и куда собрались взволнованные районные начальники. Требовали у правительства назначения городских выборов и следствия по поводу поведения Трошю. Толпа хлынула в здание ратуши, но туда уже успели войти верные правительству буржуазные полки.

Произошло всеобщее замешательство. Часть правительства вместе с Трошю успела выбраться из ратуши, другая часть осталась под надзором революционных гвардейцев. Правительство было объявлено низвергну-

тым и при криках одобрения или порицания толпы был составлен список нового революционного правительства, куда вошли и некоторые «старики» 1848 г., вернувшиеся из эмиграции, как Луи Блан, Виктор Гюго, Распайль, Ледрю Роллен, а также и Бланки.

Сам он среди демонстрантов не был, узнал об этом довольно поздно и поспешил в ратушу, встреченный гулом одобрения со стороны тех, которые его знали или слышали о нем. В ратуше он тотчас же проявил свойственные ему в таких случаях хладнокровие, присутствие духа и распорядительность и издал целый ряд приказов. Но, как 15 мая 1848 г., дело уже было проиграно. Массы с приближением ночи и под влиянием проливного дождя, узнав, что выбрано новое правительство, успокоились и разошлись, а убежавшие члены правительства вернулись с новыми верными отрядами Национальной гвардии. В самой ратуше Бланки был отделен от других революционеров правительственным батальоном и при попытке прорваться был узнан и едва не задушен озверелыми буружазными гвардейцами. Произошло столкновение между революционными и правительственными солдатами, но Бланки, который едва пришел в себя после обморочного состояния, стал между ними и уговаривал не начинать междоусобия. Революционным вождям вместе с Бланки удалось сговориться и выработать текст компромиссного соглашения о назначении выборов и переизбрании правительства. Эти условия были приняты оставшимися в ратуше членами правительства, и было, кроме того, дано торжественное обещание—не подвергать никаким преследованиям вождей революционной демонстрации.

Но в это время к ратуше подошла свежая правительственная охрана, и дело едва не кончилось трагически. Впрочем, всем революционным вождям удалось уйти благополучно. Но их имена были мало популярны и мало известны в массах. Поэтому, когда старое правительство, нарушив все условия заключенного договора, осталось у власти и устроило лишь плебисцит (народное голосование) по вопросу, нужно ли переизбрание правительства, огромное большинство высказалось против.

С этого момента, вполне справедливо не доверяя обещаниям правительства не преследовать деятелей 31 октября, Бланки снова стал скрываться: неполных два месяца всего жил он жизнью свободного гражданина! Он поселился в квартире одного из своих последователей, врача Леонса Левро, мало занимавшегося политикой и поэтому не навлекавшего подозрений. Квартирной хозяйке он был представлен как родственник Левро, квартира которого разрушена бомбардировкой осаждавших Париж немцев. Там Бланки зажил отшельником, никуда не выходя и посвящая свое время все еще выходившей газете. Но тон его статей становился в это время все грустнее и мрачнее, его ирония все безнадежнее. Он видел истинное положение дел и не скрывал этого положения ни от себя, ни от читателей.

Предательство буржуазии, которая реагировала на поражения повышением биржевого курса, стало для Бланки вполне понятным и естественным: «Ибо умирает лишь отечество, а биржа не сдается».

Право решать судьбы Франции Бланки в эти часы агонии признавал лишь за теми, «кто сопротивляется». «Единственным способом голосования в наших руках должны быть пули. Другого нет, пока неприятель не изгнан с родной земли... Если Париж защищается, а провинция сдалась,— он является олицетворением всей Франции. Там, где сражаются за свою независимость, там республика и власть и в силу права и в силу факта». Поэтому Бланки самым категорическим образом высказывался против созыва Национального собрания, которое навязало бы волю усталой, эгоистической и полумонархической провинции революционному Парижу.

8 декабря, на 89 номере газета «Отечество в опасности» прекратила свое существование и притом не под ударами начинавшейся реакции, а благодаря недостатку денежных средств. В этом последнем номере было помещено следующее заявление редакции: «Отечество в опасности» не может больше выходить. Мы откровенно скажем почему: у редакции нет средств. Несмотря на строгую экономию и полную бесплатность сотрудничества в редакции, газета не могла окупать

издержек. Убытки незначительны, но достаточно велики для того, кто беден. Мы горько сожалеем, что эта необходимость умолкнуть является как раз в такой момент, когда каждый должен бороться изо всех сил».

И действительно, это был удар, может быть, после дела Ташеро, самый сильный в жизни Бланки. Полный отчаяния при виде того, как все гибнет, как буквально оправдываются самые мрачные его предсказания, он должен был вести жизнь простого зрителя, скрывающегося от мстительных предателей республики. На его глазах произошла новая революционная демонстрация 22 января с требованием отставки правительства и назначения выборов коммуны, т. е. революционного городского самоуправления. Бланки стоял недалеко от площади ратуши и видел, как мирную толпу расстреливали по приказанию правительственных палачей специально для этого выдрессированные национальные гвардейцы... А неделю спустя объявлена была капитуляция Парижа.

На 8 февраля, по приказу прусского всесильного министра Бисмарка, который был теперь настоящим хозяином Франции, и согласно поставленным им условиям, назначены были выборы в Национальное собрание, которое должно было утвердить навязанный победителем мир. И эти выборы были тяжким ударом для Бланки. Он не удивился тому, что вся почти провинция послала злобных реакционеров: он это предсказывал, он знал, что при режиме военного положения, в атмосфере усталости, под пятой завоевателя иначе быть не может. Но когда низкий негодяй, прославившийся как палач рабочих еще 35 лет назад, и будущий палач Коммуны Тьер был избран в 25 департаментах, это было уже чересчур. И когда Париж выбрал Луи Блана, который потом, во время Коммуны, изменил рабочим и остался в рядах их палачей, выбрал рабочих прудонистов Толена и Малона, причем первый тоже перешел на сторону буржуазии, выбрал, наконец, бесцветных буржуа, а он, Бланки, был забаллотирован, собрав всего около 50 тысяч голосов, — это было слишком тяжело. Суровый и привыкший к ударам судьбы старик заплакал... Да, буржуазия, в лице даже самых радикальных и

передовых своих представителей, ненавидела Бланки и преследовала его до конца, а рабочие его слишком мало знали.

После выборов Бланки удалось выпустить огромное прощальное воззвание за своей подписью, под заглавием «Последнее слово». Оно раздавалось на улицах и расклеивалось на стенах. В нем Бланки подводил итоги своей деятельности, а также ошибкам и преступлениям правительства во время осады Парижа и самым подробным образом указывал, какие меры, военные и технические, следовало принять для спасения Парижа и Франции; в заключение он выдвинул против правительства обвинение в измене.

Тотчас после издания этого воззвания Бланки уехал в провинцию. А в это время, 9 марта военный суд приговорил его заочно к смертной казни за попытку восстания 31 октября. Этот приговор, впрочем, был впоследствии отменен, и за это самое восстание Бланки судился еще дважды.

Побывав в Бордо, он поселился в маленьком городе у своей замужней племянницы. Там он заболел и 17 марта в постели был арестован и увезен в тюрьму. Это случилось как раз перед революцией 18 марта, — накануне Парижской коммуны. А десять дней спустя, во время выборов в Коммуну, Бланки слишком поздно было отдано должное: его выбрали сразу в двух рабочих округах.

Во время Парижской коммуны Бланки, таким образом, был отрезан правительством от этого события всемирно-исторической важности. Но ученики его — Вайян, Тридон, Эд и другие принимали непосредственное участие в деятельности Коммуны и лишний раз показали на опыте всю неправильность бланкистской тактики, все непонимание ими подлинных задач пролетарской революции. Все их помыслы были направлены на восстановление традиций мелкобуржуазной якобинской диктатуры 1793—1794 гг. Они не понимали тех новых — социальных и политических задач, которые выдвинула эта первая зародышевая попытка диктатуры пролетариата. Очень может быть, что, если бы Бланки участвовал в Коммуне, это придало бы ее дей-

ствиям — политическим и военным — больше решительности. Но великого значения Парижской коммуны как зародышевой формы организации пролетарской власти, со всеми вытекающими отсюда последствиями, — не понял бы и Бланки.

Все попытки товарищей и друзей Бланки спасти его, вырвать из тюрьмы оказались тщетными. Коммуна постановила предложить версальскому правительству отдать в обмен на Бланки всех арестованных ею заложников, 74 человека, среди которых был и архиепископ парижский. Сперва с этим предложением поехал специально для этого освобожденный священник, которому архиепископ дал письмо к Тьеру, главе правительства. Но он не вернулся больше. Тогда к Тьеру отправился старый друг Бланки — Флотт. После ряда уверток Тьер, наконец, решительно отказался выдать Бланки, так как, по его словам, это значило бы все равно, что послать на помощь восставшим целый армейский корпус. Он так был рад аресту Бланки, что, получив об этом известие по телеграфу, воскликнул: «Наконец-то нам попался самый отъявленный разбойник!»

Отдельными друзьями Бланки создавались даже планы насильственного освобождения его из тюрьмы. Но это тоже было невозможно: он был слишком крепко заперт. Продержав его несколько дней в тюремной больнице городка Фижак, его затем перевезли в Кагор и посадили в одиночку без свиданий и переписки. Очевидно, правительство ждало результата героической борьбы Коммуны. 17 мая Бланки дали единственное свидание с сестрой, а 22-го внезапно увезли, не сказав ему, куда. Его везли по железной дороге, причем конвойные натравливали на него мещанское население на станциях маленьких провинциальных городов; зато, когда приходилось останавливаться около большого города с рабочим населением, вагон Бланки боязливо и предусмотрительно отвозили на ближайшую станцию. Наконец, его доставили на север Франции, к берегу моря и переправили на скалистый островок, где находился старинный замок Торо, не раз уже служивший тюрьмой для особо важных государственных преступников.

И вот Бланки очутился в мрачном, полутемном подвале. Он был единственным арестантом в крепости, и его караулил целый отряд. Тотчас после прибытия комендант предупредил его, что при малейшей попытке его друзей освободить его он первым делом будет пристрелен. Не довольствуясь этим, возле острова поставили военный корабль. Два раза в день его водили на прогулку с необычайными предосторожностями и с вооруженной охраной. Вот как сам Бланки потом с язвительной иронией описывал, как его боялись и как стерегли: «Ужасный старик, который едва держался на ногах, мог ведь повалить и убить на площадке тюремщика и часовых, сбежать по лестнице, изрубить в дверях солдата с обнаженной саблей, а еще ниже — стоящего под окном часового, пройти через переднюю, уничтожая на пути стражу, выбить дверь в кордегардию [1], уничтожить восьмерых солдат, дежурящих там, опустить своими силами подъемный мост и, наконец, броситься в море и плыть до берега под огнем уцелевших пятнадцати солдат и девяти осадных пушек крепостной батареи. И чтоб совершить ряд этих подвигов, заключенный имел в своем распоряжении деревянные башмаки и собственные кулаки».

Попав в такую обстановку, отрезанный от всего мира, Бланки и тут, однако, не терял бодрости и усиленно занимался умственным трудом. На этот раз, лишенный и книг и впечатлений жизни, он увлекся астрономией, которую любил еще с детства, под влиянием отца. В течение нескольких месяцев Бланки с увлечением, доходившим до самозабвения, писал книгу под названием «Вечность звездных миров».

Глубокой осенью, когда Бланки, просидев в своем подземелье почти полгода, окончил свою книгу и не знал, чем ему заняться, чтобы отвлечь мысли от ужасной действительности, произошла новая перемена в его судьбе. Его так же внезапно и таинственно, как привезли в замок Торо, перевезли оттуда в Версаль, где должен был состояться суд над ним. Версальская тюрьма была ему знакома: он в ней побывал в 30-х

---

[1] Помещение военной охраны.

годах. Здесь он получил свидание с сестрами, хотя и через решетку, и здесь же он получил большое удовлетворение: очень скоро после его приезда была издана отдельной книгой и обратила на себя внимание в научном мире его «Вечность звездных миров».

15 февраля 1872 г. Бланки предстал перед военным судом в Версале. Он был мертвенно бледен, но в глазах его еще сверкал огонь, и он был попрежнему полон энергии и готовности к борьбе. На обычный вопрос о местожительстве он ответил: «У меня нет другого местожительства, кроме тюрьмы». Его обвинили в «восстании 31 октября». Свидетельскими показаниями было вполне точно установлено, что между членами правительства и вождями восставших был выработан компромисс и восставшим было дано определенное обещание, что никто из них не будет преследоваться. Но ни эти показания, ни речь защитника не подействовали на судей, грубых наполеоновских солдафонов, для которых Бланки был олицетворением революции и, как таковой, подлежал осуждению. Недаром прокурор даже правительство национальной обороны не находил законным и считал Бланки преступником против законов империи.

Бланки в своем последнем слове дал достойную характеристику всей Третьей республики, этой, как ее назвали, «республики без республиканцев»: «Я не имею ничего прибавить к доводам моего защитника. Я хочу только заявить, что меня судят здесь не за 31 октября. Это — малейший из моих проступков. Перед военным судом я олицетворяю республику, которую посадила на скамью подсудимых монархия. Господин комиссар правительства осудил здесь революции 1789, 1830 и 1848 годов, а также переворот 4 сентября. При господстве республики я буду осужден во имя идей монархии и ее законов, представителем которых является обвинитель».

Бланки был приговорен к бессрочному тюремному заключению и лишению гражданских прав. Несмотря на кампанию в печати, поднятую некоторыми беспристрастными и честными гражданами в его защиту, приговор, сперва отмененный вследствие формальных нарушений,

был снова подтвержден на новом разбирательстве дела в конце апреля. Кассационная жалоба также оставлена без последствий, хотя Бланки правильно указывал на то, что он не подсуден военному суду, который учрежден после совершения вменяемого ему преступления. Буржуазная республика, республика Тьера и усмирителей Коммуны, не знала пощады.

Бланки хотели отправить в ссылку в Новую Каледонию (остров возле Австралии), куда ссылали на медленную смерть оставшихся в живых коммунаров. Эту же попытку возобновили в следующем году. Но оба раза врачебная комиссия запротестовала, заявляя, что он не вынесет путешествия и ссылки. Тогда его окончательно замуровали в центральную тюрьму в Клерво. В ней, рядом с 2 тысячами уголовных, занимавшихся тканьем и другими работами, находилось около полутораста политических, осужденных за участие в Коммуне.

Но Бланки и здесь совершенно изолировали от остальных политических, так что он не знал даже, кто его соседи. Его поместили в крошечную камеру, напоминавшую скорее карцер, в которой было мало света и воздуха. Кроме того, камера зимой не отапливалась. Свидания ему давали вначале очень редко. Словом, мстительная буржуазная республика обращалась с ненавистным ей стариком неизмеримо более свирепо, чем правительство Наполеона III, при котором Бланки пользовался в парижской тюрьме Сент Пеляжи всеми привилегиями политических и сравнительно большой свободой.

Заключение в Клерво было для Бланки мучительной агонией. Целый ряд болезней обрушился на его организм: одышка, сердцебиение, бронхиты, расстройство кровообращения, болезни желудка. Кроме того, его страшно угнетало абсолютное одиночество. Только строгая диэта, к которой он приучил себя с ранних лет, страшная сила воли, с которой он старался не поддаваться болезням, и непрерывный умственный труд, даже в худшие моменты, спасли его от смерти или сумасшествия и в этой, последней в его жизни тюрьме. После настойчивых хлопот его сестер удалось добиться пере-

вода Бланки в большую светлую камеру, бывшую больничную палату, тоже совершенно изолированную. Туда сестры доставили ему печку. Он сам колол дрова, топил печь, готовил себе пищу из доставлявшихся ему овощей. Кроме того, ему разрешили со второго года заключения получать маленькую буржуазную газетку, по которой он мог иметь представление о политической жизни. Несмотря на тяжкие болезни, он читал массу научных книг и поддерживал переписку с научными журналами. Но несколько раз положение его становилось таким критическим, что в тюрьме с минуты на минуту ожидали его смерти, и в столичных газетах появились слухи, потом опровергнутые, что он уже умер. Тюремное начальство вступило тогда в переписку с Парижем относительно того, как быть с его телом, выдать ли его родным, не вызовут ли его похороны демонстраций.

Так провел Бланки в борьбе между жизнью и смертью, в полном одиночестве, если не считать свиданий с сестрами, пять бесконечно долгих лет. Между тем в политической жизни началось оживление. Под давлением мелкобуржуазных республиканских элементов бешеная буржуазно-монархическая реакция смягчилась. Республика укрепилась окончательно. Свободнее стала печать и политические собрания. В 1876 г. собрался первый общефранцузский рабочий съезд. Правда, рабочие были разочарованы в политической борьбе и говорили, главным образом, о необходимости мирной борьбы за улучшение своего экономического положения. Но все же это значило, что реакция после подавления Коммуны кончается и тяжелая апатия проходит. В палату депутатов было выбрано довольно много радикальных республиканцев. Оживилась литературная деятельность некоторых видных эмигрантов.

В 1878 г. стали настойчиво говорить о необходимости амнистии коммунарам. Вспомнили и о Бланки, этом вечном узнике. Слухи о его смерти, известия о той жестокости, с какой продолжало обращаться со своим пленником республиканское правительство, вызывали сочувствие к нему в широких кругах демократической интеллигенции и рабочего класса, перед которым по-

немногу вырисовывался настоящий образ этого неустрашимого борца и непреклонного революционера. По инициативе социалистов Лафарга и Геда, возникла мысль выставить его кандидатом на предстоящих парламентских выборах, и на целом ряде собраний в Париже и в провинции это проделывалось в качестве демонстрации.

Все эти вести с воли стали проникать и в камеру Бланки и вызвали у него такой подъем настроения, такой прилив бодрости, что силы его стали прибывать, здоровье стало заметно поправляться. А в следующем году кампания в пользу Бланки в печати и на собраниях разрасталась все больше. Он стал получать ряд приветствий, в том числе от своих земляков из Ниццы и от старого ветерана революционной борьбы за освобождение Италии — Гарибальди. Наконец, в Бордо, где 6 апреля должны были произойти выборы депутата в парламент, кандидатура Бланки была поставлена; и после бурной избирательной кампании, в которой сочувствовавшие ему ораторы выступали против буржуазных реакционеров, Бланки был избран в результате перебаллотировки 6800 голосами против 5332.

Бланки сделался неожиданно популярной фигурой. Корреспонденты больших французских и английских газет посещали его в тюрьме. Петиции о его освобождении посылались одна за другой. И хотя палата признала его выборы незаконными, так как он был по суду лишен гражданских прав, тем не менее под давлением общественного мнения и после того, как палата приняла, наконец, закон об амнистии коммунарам, президент республики 10 июня 1879 г. «помиловал» Бланки. Вечером того же дня это помилование стало известно в тюрьме, и семидесятичетырехлетний Бланки был сдан на руки своей старшей сестре, которая, в надежде на его освобождение, уже некоторое время безвыездно жила в Клерво возле тюрьмы. Ночью они сели в поезд, и 11-го утром Бланки был в Париже. Общий итог лет, проведенных им в тюрьмах, был чудовищен — 37 лет! Этого рекорда не побил даже ни один из русских революционеров, и с ним мог сравниться только великий предшественник Бланки, итальянский революционер

XVII века и автор коммунистической утопии — Кампанелла.

Последние полтора года жизни были для Бланки почти сплошным триумфом и овацией, особенно первые месяцы во время его поездок по югу и выступлений в Бордо, Марселе, Ницце и других городах. Его бурно приветствовали огромные толпы народа, засыпали цветами, устраивали в его честь банкеты, дети писали ему трогательные письма, декламировали приветственные стихи и т. д. Как объяснить такое настроение масс, которое хоть отчасти вознаградило Бланки за бесконечные годы тюрьмы, за клеветническую кампанию врагов и бывших товарищей?

В Бланки чествовали не социалиста, а ветерана и мученика борьбы за республику. После двадцати позорных лет империи, после кошмара франко-прусской войны и душной реакции, установленной палачами Коммуны, впервые возрождалась и оживала демократическая, республиканская, мелкобуржуазная Франция. И она приветствовала в Бланки все французские революции XIX века, одним из главных героев которых он был.

Зато всякий раз, как Бланки приходилось выступать в избирательной борьбе против республиканских же кандидатов, нерешительная и трусливая природа мелкобуржуазных избирателей сказывалась, и он терпел поражение. Так было на окончательных выборах в Бордо в сентябре 1879 г., перед которыми его политические враги еще раз вытащили «документ Ташеро» и засыпали Бланки клеветами и подозрениями. Несмотря на его личные выступления в свою защиту, это все же подействовало на избирателей, и он получил 4541 голос против 4679, поданных за его противника, «умеренного» республиканца. То же повторилось летом 1880 г. в Лионе, где Бланки победил при первом голосовании, но потерпел поражение на перебаллотировке [1], когда все буржуазные избиратели объединились против него.

Зиму 1879/80 г. Бланки провел в Париже в лихорадочной агитационной и пропагандистской деятельности,

---

[1] Вторичное голосование.

выступая на десятках собраний, где он пользовался огромным влиянием на слушателей. Вот как описывает его в это время его биограф Жоффруа, который в данном случае является также и очевидцем. «Он являлся перед публикой всегда окруженный молодыми друзьями, и его приход вызывал сенсацию. Перед ним толпа почтительно расступалась, а находящиеся в задних рядах с жадностью ловили его взгляды. На ораторской трибуне появлялась его маленькая фигура с тонким профилем и выразительными жестами. Седая копна волос придает его лицу что-то львиное. Около него лежат его шляпа и зонтик. И вся его простая, но полная благородства фигура напоминает старинного члена комитета восстания, официального представителя революции... Слабым, но выразительным голосом он говорит об армии, духовенстве и буржуазии, старательно подчеркивая свои основные мысли, как школьный учитель, желающий запечатлеть высказанные положения в умах своих учеников, или как старый проповедник, который хочет внедрить в сознание своей паствы главнейшие из своих излюбленных идей. Ему горячо аплодировала аудитория, он снова резюмировал свою речь и в заключение иногда одним словом, трагическим жестом потрясал сердца слушателей. Чувствовалось, как будто произошел сильный удар молнии. Но затем впечатление рассеивалось, и на трибуне снова говорил старый добряк, который делится своими надеждами, сомнениями и советами».

Бланки, конечно, не думал больше о заговорах, которые он вообще отрицал при республике. Но он попрежнему мало обращал внимания на повседневную борьбу рабочего класса и его экономическую организацию и признавал только одну цель — политическую революцию для захвата власти и лишь одну ближайшую задачу, подготовку этой революции. Рабочие Франции окончательно стряхивали с себя равнодушие и апатию, вызванные бойней 1871 г.; организовалась впервые марксистская партия во главе с Жюлем Гедом. А Бланки все злободневные вопросы откладывал до будущей революции, или, наоборот, считал, что республика и всеобщее избирательное право сами все разрешат.

Вместе с тем в этот последний период жизни Бланки намечается в его политике тот поворот к оппортунизму, который характерен особенно для его учеников. Для Бланки самое понятие республики становится каким-то кумиром. Для защиты буржуазной демократии и республики он заигрывает с буржуазными радикалами. Для него оказывается непонятной новая историческая обстановка и те новые задачи, которые стали перед рабочим классом после Парижской коммуны. Даже великий урок Коммуны не внес ясности в социально-политические взгляды Бланки, для которого марксистское учение о классовой борьбе и о диктатуре пролетариата попрежнему остается непонятым. В основанной им в последние годы жизни газете под заглавием «Ni Dieu ni maître (Ни бога ни господина) Бланки, как отметил

Ленин, «порицает теорию классовой борьбы и отделение интересов пролетариата от интересов нации» [1]. Мало того, по отношению к зарождавшейся рабочей партии «гедистов», программу для которой уже после смерти Бланки написал Маркс, Бланки относился равнодушно, если даже не враждебно, лишний раз подтвердив этим свое непонимание задач самостоятельной классовой партии пролетариата.

Впрочем, эта позиция не мешала Бланки в этой же газете, а также в брошюрах критиковать отдельные учреждения буржуазной республики, особенно постоянную армию, которую он предлагал заменить всенародной милицией. И когда он выступал как социалист, бичующий язвы капиталистического строя, на рабочих собраниях, например, в рабочем центре северной Франции — Лилле, его слушали совсем с другими чувствами, чем на мелкобуржуазном юге. Здесь он олицетворял не торжествующую республику, не мученика прошлых революций, а страдания рабочего класса, его настоящую борьбу и его надежды на светлое будущее...

Летом 1880 г. умерла сестра Бланки, та самая, что так матерински увезла его из тюрьмы Клерво. Это было тяжким ударом для Бланки. Тем не менее осенью он еще поехал в Италию и в Милане встретился с Гарибальди во время торжеств в честь этого итальянского героя. Так под конец своей жизни встретились эти два замечательных деятеля XIX века.

По возвращении в Париж Бланки поселился у одного из своих наиболее любимых и верных учеников 60-х годов—Гранже. Там он любил проводить время в своей комнатке, среди книг и рукописей. В декабре он еще несколько раз выступал на публичных собраниях. После одного из таких собраний, когда Бланки, сильно утомленный, поздно ночью вернулся домой, его поразил удар паралича, после которого он уже не приходил в сознание и умер спустя несколько дней, 1 января 1881 г. За его гробом шла огромная стотысячная толпа народа. Его именем был назван один из бульваров в рабочем квартале Парижа.

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XXX, «План чтения о Коммуне», стр. 111.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Бланки не знал и не понимал марксизма. Он всю жизнь оставался утопическим социалистом и прямолинейным заговорщиком. Вот что писал о нем Энгельс еще в 1874 г.: «Бланки по существу — политический революционер; социалист он только по чувству... В своей политической деятельности он был по преимуществу «человеком дела», верившим, что небольшое, хорошо организованное меньшинство, выступив в надлежащий момент с попыткой революционного переворота, может первыми несколькими успехами увлечь за собой народную массу и совершить таким образом победоносную революцию». И далее: «Из того, что Бланки представляет себе всякую революцию как вспышку, произведенную небольшой кучкой революционеров, сама собой вытекает необходимость диктатуры после успеха восстания, диктатуры, вполне понятно, не всего революционного класса, пролетариата, а небольшого числа лиц, которые произвели переворот и которые сами, в свою очередь, уже заранее подчинены диктатуре одного или нескольких лиц»[1]. Но одновременно Энгельс отдавал должное личным качествам Бланки, его революционному инстинкту, смелости и решительности.

С другой стороны, как мы видели, Бланки, будучи убежденным заговорщиком при монархии, во время республики пытался опереться на массы, но это ему не удавалось, так как он не умел связаться с широкими массами, не знал, как воспитывать эти массы, как свя-

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 225.

зывать революционные задачи и идеалы с повседневной борьбой рабочих масс за улучшение своего положения. Вот почему Ленин писал, что «бланкизм есть теория, отрицающая классовую борьбу», что «бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства»[1].

Но Бланки звал массы к восстанию и был сторонником революционной диктатуры, он был непримиримым врагом всякого крохоборства, он был стойкий и мужественный революционер, которого не могли сломить 37 лет тюрьмы. Тов. Сталин относит Бланки к типу вождей «бурного времени, вождей-практиков, самоотверженных и смелых, но слабых в теории. Массы не скоро забывают имена таких вождей... Но движение в целом не может жить одними лишь воспоминаниями: ему нужны ясная цель (программа), твердая линия (тактика)»[2]. Поэтому несмотря на все его ошибки, Маркс и Энгельс относились к нему с уважением и глубоким сочувствием.

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. IX, стр. 237.
[2] Сталин, О Ленине. 1934, стр. 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ